

Марина Андреева

ЗАМКНУТЫЙ КОНТУР

Фэнтези * ЛР * Юмор

Марина Андреева

Схемы судьбы (2).

Замкнутый контур

<https://litres.ru/73731642>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я выжила после удара током. Очнулась в мире, где магия течёт по трубам. А люди охотятся на таких, как я.

Моё тело — генератор. Эмоции — разряды. Единственный, кто меня понимает, — охотник. Тот, кто должен был сдать меня гильдии. Вместо этого он приковал меня к себя наручниками, пообещав защиту.

Дважды я ждала предательства, а он спасал мне жизнь. А потом рвануло так, что чинить пришлось полгорода. И наше разбитое доверие — заодно.

Закон Ома гласит: сила тока прямо пропорциональна напряжению. Напряжение между нами растёт. Выдержит ли цепь?

Содержание

ГЛАВА 1. ВНЕПЛАНОВОЕ ОТКЛЮЧЕНИЕ	5
ГЛАВА 2. ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ	22
ГЛАВА 3. НАПРЯЖЕНИЕ В ДОРОГЕ	42
ГЛАВА 4. ПЕРВАЯ ИСКРА	57
СОПРОТИВЛЕНИЯ	
ГЛАВА 5. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	80
ГЛАВА 6. НАРУШЕНИЕ КОНТУРА	105
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Марина Андреева
Схемы судьбы (2).
Замкнутый контур

КНИГА 2.

ГЛАВА 1. ВНЕПЛАНОВОЕ ОТКЛЮЧЕНИЕ

Дождь бил по жестяной крышке трансформаторной будки с таким остервенением, словно хотел пробить её насквозь. Каждый удар отдавался в висках тупой болью. Я вжалась в тесное пространство, где пахло озоном, старым маслом и безысходностью. Фонарик, зажатый между плечом и щекой, выхватывал из мрака клубок почерневших проводов.

Мои пальцы двигались автоматически: зачистка, скрутка, изолента. Навык, доведенный до автоматизма за годы помощи отцу. Он научил меня всему – читать схемы, чувствовать нагрузку по гулу трансформатора, даже паять в самых неудобных положениях. Но он не научил меня тому, как вынести эту бесконечную, унылую борьбу с ветхостью.

Внутри всё сжималось от знакомой горечи. Отчет к утру, этот вечный ливень, и ком в горле от мысли, что завтра будет то же самое. Мечта об институте, о дипломе инженера-энергетика, казалась не просто далекой. Она казалась издевкой. Что я могла проектировать, если вся моя реальность сводилась к латанию дыр в системе, которая разваливалась на глазах?

Я выдохнула, пытаясь сконцентрироваться на проводах. Красный к фазе, синий к нулю, жёлто-зелёный – земля. Про-

стая, понятная логика. В ней был покой. В ней не было этого давящего чувства, что жизнь просачивается сквозь пальцы, как вода через эту проклятую крышу.

Фонарик мигнул. Один раз. Потом еще. Я замерла, мысленно уже ругаясь. И он потух.

Тьма нахлынула мгновенно, густая, абсолютная, осязаемая. Она обволокла меня, влилась в уши вместе с яростным рёвом дождя снаружи. Сердце ёкнуло, застучало чаще. Не сейчас. Только не сейчас.

Я зажмурилась, заставила себя дышать глубже. Паника – плохой советчик. Отец говорил: «В темноте главное – не суесться. Суесться – обязательно на что-нибудь напорешься».

Правой рукой я нащупала карман рабочей рубашки. Там, среди обрезков провода и зажимов, лежала «клоповка» – мой тайный талисман, крошечный фонарик на мизинчиковой батарейке. Я вытащила её, нащупала кнопку большим пальцем. Щелчок был едва слышен.

Тусклый, желтоватый свет, слабый, как последний вздох светлячка, выхватил из мрака знакомую картину. Искрящийся автомат, с которого я сняла крышку, казался сейчас зловецким. Его медные шины поблескивали в луче фонарика, маня и угрожая одновременно.

И тут меня ударило.

Не током. Прозрением. Ледяной волной, которая смыла все мысли и оставила только животный, примитивный страх.

Я не обесточила линию.

Перед тем как лезть в щиток, нужно было опустить рубильник. Простая процедура. Первое правило. Алфавит электрика. А я... я была так поглощена своими мыслями, своей тоской, своим бегом по кругу, что пропустила самый главный шаг.

«Сначала рубишь, потом работаешь, Варенька». Голос отца в голове звучал не укоризненно, а с усталой грустью. Именно так он говорил, когда был очень серьезен.

Времени не было. Но и лезть под напряжение – чистое самоубийство. Мысль металась, как пойманная в клетку птица. Начальник ждал отчёт «ещё вчера». Этот ливень мог вызвать новые замыкания. А если я побегу к рубильнику и обратно – я промокну насквозь, потеряю еще полчаса...

Предательский, настойчивый шепот в глубине сознания: Быстро. Аккуратно. Просто перекинуть провод на старую клемму. Он же не ударит, если не касаться голой кожи. Пару секунд. Я же профессионал.

Я знала, что это ложь. Я знала, что играю в русскую рулетку. Но усталость и давление были сильнее знания. Я медленно, очень медленно потянулась левой рукой к оголённой шине. Правая, с «клоповкой», дрожала, отбрасывая на стене безумные тени.

Кончики пальцев всколыхнули что-то в углу щитка. Толстый, липкий слой паутины. А в ней – движение. Что-то скользкое, живое и отвратительно холодное пробежало по

моей коже, под ногтем.

Я дёрнулась. Резко, всем телом. Инстинкт, древний и неумолимый, пересилил осторожность.

Отвертка в моей правой руке, до этого послушный инструмент, сорвалась с места. Её острый конец, ведомый этой слепой, панической инерцией, метнулся вперед.

Раздался звук. Не громкий. Сухой, чёткий щелчок. Почти вежливый.

А потом мир перестал существовать.

Его сменила белизна. Всепоглощающая, ослепительная, беззвучная. Она выжгла сетчатку, заполнила черепную коробку, не оставив места ни для мыслей, ни для страха, ни для боли. На мгновение я стала ничем. Просто проводником. Частью цепи, замкнувшейся через моё тело.

Запах пришёл первым. Едкий, сладковатый, невыносимо знакомый. Запах палёной изоляции. Палёной плоти.

Потом ощущение полёта. Меня отшвырнуло назад, в стену из холодного, шершавого бетона. Удар головой был глухим, далёким, как будто это произошло с кем-то другим. В ушах зазвенело, нарастая до оглушительного визга.

Перед глазами плясали пятна – багровые, зелёные, фиолетовые. Они сливались, расползались, пытались сложиться в картинку, но не могли.

Темнота накатывала новой волной. Тёплой, густой, безжалостной. Она затягивала, как болото. Последняя связная мысль, обрывок: Пап, прости...

Потом – тишина. Абсолютная. И пустота.

Сознание вернулось не сразу. Оно пробивалось сквозь толстый слой ваты, боли и тошноты, что подкатывала к горлу кислым комком. Я лежала. Не на холодном бетоне будки. Под спиной чувствовалась не ровная плита, а что-то неровное, влажное, податливое. Земля.

Я открыла глаза.

Надо мной было небо. Но не низкое, свинцово-серое небо Подмосковья. Оно... другое. Цвет – странный, молочно-свинцовый, будто его разбавили молоком. И по нему плыли облака – рваные, быстрые. И... два солнца.

Одно – привычного желтоватого оттенка, но меньше, чем должно быть. Другое – совсем маленький, тусклый оранжевый шарик, будто раскалённый уголёк. Они висели рядом в одной части неба, и от этого картина казалась нарисованной сумасшедшим художником.

Я попыталась пошевелиться. Тело ответило пронзительной, знакомой ломотой в каждой мышце – точь-в-точь как после сильного удара током. Но вместе с болью пришло осознание другого. Одежда.

На мне было не моё синее рабочее ватник и роба. Ткань на ощупь была грубой, колючей, промокшей насквозь. Я приподняла голову, с трудом фокусируя взгляд. Серое холщовое платье, бесформенное, доходящее до щиколоток. На ногах – не сапоги. Какие-то тряпичные обмотки, грязные и мокрые, и стоптанные башмаки из грубой кожи. Я босая. Точнее, но-

ги были замотаны, но пальцы ощущали холодную, липкую землю.

Паника, которую я держала где-то на дне сознания, рванула наружу. Холодная, липкая, всесокрушающая. Она сжала горло, заставила сердце биться с бешеной частотой.

Галлюцинация. Это шок. Сейчас очнусь в больнице. Мозг лихорадочно цеплялся за самое простое объяснение. Или кома. Да, кома. От удара током. Всё это – сон, галлюцинация, мозг так обрабатывает травму.

Сбоку послышался скрип. Медленный, усталый. И хлюпающий звук – будто что-то тяжёлое и мокрое вязнет в грязи.

Я повернула голову, и кости в шее хрустнули. По дороге, больше похожей на размытое глинистое месиво, тащилась телега. Не прицеп, не «Газель». Деревянная, допотопная телега на двух высоких колёсах. Её тащила тощая лошадь гнедой масти, вся в брызгах грязи. На облучке сидел мужик. Бородатый, в каком-то кожаном фартуке поверх простой рубахи. Рядом, стараясь ступать по краю, где было посуше, шла женщина в тёмном платке, плотно укутанная в шаль. Она вела за руку ребёнка лет пяти.

Они переговаривались.

Звуки были гортанными, певучими, совершенно незнакомыми. Ничего общего с русским, английским или даже отдалённо слышанными кавказскими наречиями. Это был чужой язык.

Но смысл долетел до меня с пугающей, кристальной ясно-

стью. Я не просто слышала звуки – я понимала их. Словно в голове работал безупречный, мгновенный переводчик.

– ...а к вечеру, гляди, дождь зарядит снова, – говорил мужик, хмуро поглядывая на небо с двумя солнцами. Его голос был низким, усталым.

– Поторопись бы, Мирон, а то стемнеет, и леший ноги посбивает, – отозвалась женщина. В её интонации сквозила привычная, бытовая тревога.

Ребёнок, мальчик, тыкнул в мою сторону грязным пальцем.

– Мам, смотри! Барышня упала!

Все трое остановились как вкопанные и уставились на меня. В их взглядах не было злобы или агрессии. Было простое, бесхитростное любопытство, смешанное с настороженностью. Такими глазами смотрят на незнакомую собаку у ворот или на диковинную птицу, севшую на забор.

Я инстинктивно попятилась, пытаюсь встать. Ноги подкосились, мир накренился, поплыл. Я едва удержалась, упёршись руками в холодную землю.

– Я... – мой собственный голос прозвучал хрипло, чуждо.
– Где я?

Мужик по имени Мирон нахмурил свои густые брови. Он внимательно, без спешки осмотрел меня с ног до головы. Его взгляд скользнул по лицу, по мокрому платью, по босым, замотанным тряпьем ногам.

– На Вельском тракте, милочка, – произнёс он тем же чу-

жым, но понятным языком. – А тебя, видать, конь сбросил, аль шальная буря занесла? Личико-то бледное, как мел.

Его слова не внесли ясности. Они лишь усилили хаос в моей голове. Вельский тракт? Конь? Шальная буря? Это были понятия из другой эпохи. Из сказки.

Я чувствовала. Вот что было самым ужасным. Я не просто видела эту картинку. Я чувствовала её всеми органами чувств. Холодную влагу платья, прилипшего к телу. Колючую траву под босыми ступнями. Пронизывающий до костей сырой ветерок. Едкий, но чистый запах дорожной грязи, смешанный с ароматом каких-то незнакомых, диких цветов и дымком из далёких труб.

Это не было похоже на сон. Сны не обладали такой тактильной, обонятельной, тотальной достоверностью.

– Мне надо... в город, – пробормотала я, чувствуя, как по спине бегут ледяные мурашки. Мне нужно было найти хоть какую-то точку опоры. Больницу. Милицию. Людей в нормальной одежде. – Где тут ближайший город?

Женщина с ребёнком переглянулась с мужем. Быстрый, понимающий взгляд. Словно они видели таких, как я, не впервой. Заблудившихся. Потерянных. Немытых.

– Город-то далековато, – сказала женщина, качая головой. – День хода доброго, если ноги целы. А вон, за тем леском, деревня Кичкино. Туда свернёшь. К старосте сходи.

Они смотрели на меня, явно ожидая, что я поднимусь и пойду. Но я не могла пошевелиться. Мой разум, воспитан-

ный на законах физики и логики, отчаянно цеплялся за обрывки нормальности, пытаюсь натянуть их на реальность с двумя солнцами, телегой и понятным чужим языком. Цепочка рвалась с треском.

Два солнца. Два солнца. Это нарушало всё. Абсолютно всё.

Мужик Мирон, видя мой ступор, махнул рукой – широким, небрежным жестом человека, у которого своих забот хватает.

– Иди, коли идёшь, – сказал он, уже поворачиваясь к своей телеге. – А то ночь на дворе – не ровен час, волки, лихие люди... Тут не место девушке одной торчать.

Он щёлкнул вожжами, негромко цокнул языком. Лошадь фыркнула и с напряжением тронула телегу с места. Колёса снова заскрипели, захлюпали в грязи.

Телега медленно поползла прочь. Ребёнок, которого вела за руку женщина, обернулся. Его круглые, любопытные глаза встретились с моими. И он, совсем как обычный ребёнок, помахал мне рукой. Потом его увели за поворот.

Я осталась одна.

Совершенно одна посреди бесконечной, грязной дороги, под двумя безразличными, чужеродными солнцами, одно из которых было оранжевым и тусклым.

Тишина после их ухода оглушила. Ветер донёс до меня обрывок их разговора – женщина что-то спрашивала тревожным шёпотом, мужчина отмахивался.

Паника, которую я сдерживала, накрыла меня целиком. Плотная, тяжелая, как свинцовое одеяло. Она выдавила из лёгких воздух, сжала виски.

Я медленно опустилась обратно на землю, уже не обращая внимания на холод и грязь.

Это не сон, – пронеслось в голове с ледяной ясностью. Сны так не пахнут. Так не чувствуется ветер на коже.

И это не сумасшествие. Сумасшедшие не задаются такими вопросами. Они верят в свою реальность.

Значит...

Значит, это что-то третье. Настоящее. И оно было здесь, сейчас, вокруг меня. Со всей своей чужой, неумолимой физикой, биологией и... чем там ещё это управлялось.

Я закрыла глаза, стараясь дышать. Но внутри всё кричало. Деревня Кичкино. Название звучало в моей голове отголоском чего-то древнего, почти сказочного. На деле это была просто кучка покосившихся изб из тёмного, почерневшего от времени бревна. Они теснились вокруг грязной, утоптанной площади, в центре которой стоял колодец с длинным, кривым «журавлём». Из труб вился серый, жидкий дым – он не поднимался столбом, а стелился низко, смешиваясь с вечерним туманом, наползавшим с леса.

Я шла, не видя дороги под ногами. Автоматически переставляла ноги, обходя самые глубокие лужи. Не чувствовала холода, пробиравшего уже до костей. Не чувствовала голода, хотя с утра ничего не ела. Всё внутри было занято одной за-

дачей: обработать необрабатываемое.

Мой разум, тот самый, что с отличием сдавал сопромат и чертил схемы, работал теперь вхолостую. Он пытался натянуть знакомые логические цепочки на реальность, которая эти цепочки рвала, как паутину.

Попаданчество. Параллельный мир. Сдвиг реальности. Матрица. Квантовый скачок.

Слова-ярлыки всплывали из памяти, из прочитанных книг и просмотренных фильмов. Они были столь же невероятны, сколь и неизбежны. И от этой неизбежности становилось только хуже, потому что ни один ярлык не давал инструкции «что делать дальше».

У колодца копошилось несколько женщин. Они наполняли вёдра, переговаривались тихими, усталыми голосами. Увидев меня, они замолкли разом. Как по команде.

Несколько пар глаз уставились на меня. Взгляды были быстрыми, сканирующими, безжалостными в своей простоте. Они скользнули по моему лицу, задержались на мокром, грязном платье, на босых, замотанных в тряпье ногах. Я почувствовала себя экспонатом под стеклом. Чучелом диковинной птицы.

Я остановилась, не зная, куда идти. Мне нужно было спросить. Но что? «Где тут у вас отделение милиции?» Или «Позвоните, пожалуйста, в скорую, у меня, кажется, болевой шок»?

Голос сорвался тихим, беспомощным шёпотом.

– Милостыньки... христа ради...

Фраза выскочила сама, из глубин памяти, из книг. Я не была религиозна. Но в этой ситуации она казалась единственно уместной мольбой потерянного человека.

Одна из женщин, самая пожилая, с лицом, испещрённым морщинами, как старое печёное яблоко, качнула головой. В её глазах мелькнуло нечто похожее на жалость. Но осторожное, сдержанное.

– Чужая, – сказала она не мне, а остальным, как бы давая оценку. – Видать, несчастная. Погоди, дитяtko.

Она зачерпнула из своего полного ведра деревянной, потемневшей от времени кружкой и протянула мне. Руки у неё были тёмными, в трещинах и пятнах земли.

Я жадно прильнула к краю. Вода была ледяной, чистой, с едва уловимым привкусом дерева и железа. Она была настолько настоящей, так явно отличалась от хлорированной воды из-под крана, что ещё сильнее вогнала меня в реальность происходящего.

– Откуда будешь? – спросила другая, помоложе. У неё было острое, худое лицо и прищуренные, подозрительные глаза. Она смотрела не на моё платье, а прямо в лицо, будто пыталась прочитать что-то за глазами.

– Заблудилась, – коротко бросила я, чувствуя, как под этим взглядом хочется сжаться, свернуться калачиком, провалиться сквозь землю. – Ищу... пристанища на ночь. Хоть в сенях.

Пожилая женщина снова покачала головой, понизив голос. Он стал шершавым, доверительным, полным суеверного страха.

– Ночью-то у нас, дитяtko, беспокойно. Огни по болотам блуждают, леший шастает. А то и охотники... за таким, необычным... сюда нагрянут. Шляются, ищут. Ступай к старосте, Власу. Изба его крайняя, с резным коньком. Стучись. Может, в сенцах позволит перекантоваться. Не обессудь.

Она сунула мне в руку твёрдую, как камень, краюху чёрного хлеба. Я взяла её, чувствуя, как отсыревшее, огрубевшее тесто давит на ладонь. Мои пальцы дрожали. Не от холода. От тотальной, всепоглощающей потерянности, от понимания, что я – ошибка в этом мире, случайный сбой, и все это видят.

– Спасибо, – выдавила я, не глядя больше ни на кого, и побрела прочь, туда, куда показали.

За моей спиной снова зашептались. Шёпот был колючим, быстрым, полным тех же суеверий.

– Глаза-то у неё какие... пустые. Словно неживая.

– Может, русалка? Из реки вышла? Говорят, в полнолуние...

– Тише ты, дура! Не накликай!

Я ускорила шаг, почти побежала. Мне нужно было быть одной. Спрятаться. Мне нужно было осмыслить этот кошмар, выстроить хоть какой-то план. Но в голове, вместо мыслей, стоял нарастающий, оглушительный гул. Гул паники,

которую я больше не могла сдерживать.

Я свернула за угол указанной избы, надеясь найти обещанные сени – пристройку для хозяйства. В глазах стояли слёзы от ветра и отчаяния. Я их смахнула тыльной стороной ладони.

И почти столкнулась с ним нос к носу.

Он вышел из-за угла, вероятно, из какой-то канавы или другого укрытия. Оборванец. Его одежда представляла собой лохмотья, сшитые воедино грязью и жиром. От него пахло. Пахло перегаром, кислым потом, невымытым телом и чем-то ещё – сладковатым, гнилостным. Лицо было обветренным, красно-бурым, с маленькими, глубоко посаженными глазками-щёлочками, которые бегали, не фокусируясь. Взгляд был плотоядным. Простым и жадным.

Он оглядел меня с ног до головы, и в этом взгляде не было ничего человеческого. Только интерес хищника к лёгкой добыче.

– О, – хрипло процедил он, и голос у него был сиплым, простуженным. – Какая птичка залетная. Денежка на дорожку не найдётся, красавица? Угостить старого воина?

Я попятилась. Спина упёрлась в шершавое, холодное бревно стены избы. Пути к отступлению не было.

– Нет у меня денег, – сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. Он дрожал. – Отстань.

– Как это нет? – Он шагнул вперёд, сократив и без того крошечное расстояние между нами. Его запах стал удушаю-

щим, физически осязаемым. – Всегда есть у таких. Чужие. Спрятала, поди. Жадная. Дай поищу, я аккуратный...

Его рука потянулась ко мне. Не кулак. Ладонь. Грязная, с почерневшими, обломанными ногтями и чёрными полосами засохшей грязи в складках кожи. Сначала она двинулась к моему лицу, будто желая потрогать щёку. Я отклонилась. Тогда пальцы скользнули ниже, цепко впились в ткань моего платья у горла, дернули на себя. Тонкий холст затрещал по шву.

Прикосновение было оскорбительным. Унизительным. Животным. Оно не оставляло сомнений в его намерениях.

И внутри меня что-то сорвалось.

Не страх. Страх был раньше. Не ярость – её не было времени сформировать. Это был первобытный, абсолютный инстинкт отторжения. Чистая, неконтролируемая паническая ярость. Тело вспомнило. Вспомнило боль. Вспомнило всепоглощающий белый огонь, который привёл меня сюда. Тот самый огонь, что жил в проводах, в розетках, в молниях на небе. И который теперь, казалось, кипел у меня внутри, в каждой клетке, требуя выхода.

НЕТ! НЕ ТРОГАЙ МЕНЯ!

Я не крикнула. Мысль вырвалась наружу со сокрушительной, испепеляющей силой. И тело откликнулось само. Без моего ведома, без команды.

С моих пальцев, сжатых в беспомощные, дрожащие кулаки, с сухим, резким, раскатистым ТРРААКС! вырвались ис-

кры. Но не те, маленькие, что бывают от шерсти. Это были синие, жилистые, злые щупальца молнии. Они не были похожи на ровную, послушную дугу сварочного аппарата. Это было что-то дикое, рваное, хаотичное, рождённое pure terror. Яркие, ослепительные прожилки чистой энергии на микросекунду коснулись его груди, прямо над сердцем.

Он не успел вскрикнуть.

Его тело выгнулось в неестественной, жуткой дуге, будто по нему ударили невидимой дубиной. Все мышцы свело одной мгновенной, нечеловеческой судорогой. Я увидела, как волосы на его голове и в грязной бороде встали дыбом, буквально. Из его горла вырвался звук – не крик, а хриплый, пузырящийся стон, полный недоумения и прекращающейся жизни.

Его отбросило. Не просто отшвырнуло. Отбросило, как тряпичную куклу, на полтора, а то и два метра назад. Он рухнул в грязь лицом вниз с глухим шлепком и забился. Забился в немых, ужасающих конвульсиях. Ноги дёргались, руки скребли землю. Из рта, уткнувшегося в грязь, потекла пена, смешиваясь с жидкой землёй.

Я застыла.

Просто стояла и смотрела на свои руки.

На кончиках пальцев ещё танцевали, шипя, крошечные, потухающие искорки. Они оставляли на сетчатке зелёные следы. В воздухе висел резкий, чистый, узнаваемый запах. Озон. И палёной шерсти. Запах короткого замыкания. Запах

смерти.

Я медленно, очень медленно перевела взгляд с рук на держащееся тело. Потом снова на руки. На эти самые руки, которые час назад держали отвёртку в другой жизни, в другом мире.

По спине, от копчика до затылка, пробежала ледяная волна. Холоднее вечернего тумана, холоднее страха. Это был ужас. Настоящий, тихий, пронзительный ужас от понимания.

Что я наделала?

Что это было?

Что... что во мне теперь такое живёт?

ГЛАВА 2. ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

Я не знала, сколько бежала. Ноги заплетались о корни и кочки, холодное мокрое платье хлестало по ногам, колючки цеплялись за волосы и кожу. В ушах стоял тот сухой, раскатистый треск. Перед глазами – синие прожилки молнии и дергающееся тело в грязи.

Я бежала, пока в груди не стало колоть, а в глазах не потемнело от нехватки воздуха. Споткнулась о скрытый в траве пенёк и рухнула вперёд, в мягкую, пахнущую прелой листвой и сыростью стену стога сена. Он был огромным, темным силуэтом на краю поля. Без мысли, только инстинктом, я вползла внутрь, прорывая туннель в сухой, шелестящей соломе.

Внутри было тесно, темно и удивительно тихо. Шум дождя снаружи превратился в далекое, убаюкивающее шуршание. Я свернулась калачиком, пытаюсь заткнуть уши ладонями, чтобы не слышать собственное тяжелое, срывающееся дыхание.

Дрожь. Она началась где-то глубоко внутри, в солнечном сплетении, и быстро расползлась по всему телу. Зубы стучали. Я сжалась сильнее, обхватив колени руками. Но дрожь была не от холода. От холода я почти онемела. Это была нервная, истеричная дрожь шока.

Что я наделала?

Мысль билась, как мотылек о стекло. Тупая, навязчивая. Убила?

Я зажмурилась, но под веками снова вспыхнула картина. Его глаза. Не человеческие в тот миг. Глаза пойманной рыбы, выброшенной на берег. И этот звук... хриплый, пузырящийся.

Я судорожно сглотнула, чувствуя, как подкатывает тошнота. Запах озона все еще стоял в ноздрях, смешиваясь со сладковатым ароматом сена.

Я разжала кулаки, поднесла руки к лицу. В почти полной темноте я различала только смутные очертания пальцев. Я смотрела на них, ожидая, что они снова вспыхнут синим огнем. Ждала с ужасом и каким-то болезненным любопытством. Но ничего. Только знакомая форма, шероховатая кожа на подушечках от работы с инструментами, маленький шрам на указательном пальце левой руки – остаток встречи с паяльником в детстве.

Они были моими руками. Теми самыми.

Значит, это не они. Это... что-то во мне.

Попала в другой мир – ладно, черт с ним, фантастика, с этим как-нибудь. Но стать еще и ходячей электростанцией, убивающей от одного прикосновения? Это уже перебор. Это кошмар.

Я уткнулась лицом в солому. Она колола щеки. Мне хотелось закричать. Закричать так, чтобы проснуться. В сво-

ей кровати. В своей комнате. Под привычным, одним-единственным желтым солнцем.

Но крика не было. Был только тихий, бессильный стон, который потерялся в шелесте сена и завывании ветра снаружи.

Я осталась лежать, прислушиваясь к стуку собственного сердца. Оно билось неровно, с перебойями, словно тоже было напугано до смерти тем, что его перезапустили чужим током.

Мысли начали приходиться, обрывочные, бессвязные. Телега. Два солнца. Женщина у колодца. «Охотники за необычным». Значит, такие, как я, здесь не редкость? Или наоборот – ценная диковинка? Диковинку изучают. Диковинку... препарируют.

Я содрогнулась.

Нужен план. Нужно думать. Но мозг отказывался работать. Он был как перегретый процессор, зацикленный на одной ошибке: FATAL ERROR. UNKNOWN ENERGY SIGNATURE.

Я просто лежала, глядя в темноту, и чувствовала, как холод постепенно пробирается сквозь тонкую ткань платья, через солому, добирается до кожи, до костей. Может, просто заснуть. А проснуться... ну, где-нибудь в другом месте. В лучшем.

Но сон не приходил. Приходили только образы. И тихий, настойчивый шепот инстинкта, говоривший, что бежать надо было не от деревни, а от того давящего, изучающего взгляда.

да из-за деревьев. Что самое страшное было не в том, что я сделала, а в том, что кто-то это видел.

И что этот кто-то, возможно, все еще наблюдает.

Серое, мутное утро пробилось сквозь щели в моем укрытии. Я не спала. Я пролежала всю ночь в оцепенении, время от времени впадая в короткие, тревожные забытья, где мне снились искры и гудящие трансформаторы.

Тело болело везде. Каждая мышца, каждый сустав. Последствия удара током, бега по лесу и ночи на твердой, холодной земле. Я выбралась из стога, отряхивая с себя солому. Мир вокруг был сырым, пропитанным туманом. Поле, лес на горизонте, и далеко в стороне – тонкая струйка дыма из труб той самой деревни.

Кичкино.

Она была единственной точкой на карте этого незнакомого мира. Единственным местом, где были люди. Пусть странные, пусть пугливые. Но люди. У меня не было еды, не было теплой одежды, не было понимания, куда идти. Остаться в лесу – означало замерзнуть, заблудиться или стать добычей тех самых «волков», о которых говорил мужик с телеги.

Нужна была информация. Хоть какая-то.

Я побрела обратно, к деревне, двигаясь медленно, будто сквозь густой сироп. Каждый шаг давался с усилием. Я вошла в деревню с другой стороны, не через ту площадь, где было... то самое. Но деревенские тропинки все вели к центру, к колодцу.

У «журавля» уже стояли несколько женщин. Они наполняли тяжелые деревянные ведра, их лица были сосредоточенны, устали. Увидев меня, они не замолчали, как вчера. Они просто приостановились, и в их глазах я прочла то же самое: настороженное любопытство, смешанное с усталой жалостью. Я была для них событием. Неприятным, но не неожиданным.

Я подошла, остановившись в паре метров. Вчерашняя пожилая женщина была среди них. Она узнала меня, кивнула едва заметно.

– Выжила, значит, – сказала она не мне, а словно констатируя факт для всех. – Ночь-то была студёная.

– Да, – выдавила я. Голос был хриплым от холода и неиспользования. – Спасибо за хлеб.

Она махнула рукой.

– Не за что. Голод – не тётка. Пить дашь?

Она снова зачерпнула из своего ведра и протянула мне ту же деревянную кружку. Я взяла её дрожащими руками. Вода была еще холоднее, чем вчера, и от этого еще вкуснее. Я выпила залпом, чувствуя, как холодная влага разливается по желудку, ненадолго прогоняя внутреннюю дрожь.

– Слушай, дитяtko, – начала женщина, понизив голос. Остальные притихли, делая вид, что заняты своими вёдрами, но уши, казалось, наострились. – Ты вчера... не одна сюда пришла.

У меня похолодело внутри.

– Что? – спросила я, слишком резко.

– Мужики сказывают. По краю леса, на закате, кто-то ходил. Не местный. Не похож. Как тень. Искал что-то. Или кого-то.

Взгляд той самой острой, худой женщины вонзился в меня.

– А утром Гришку-пьяницу нашли. Возле избы Власовой. Жив, слава богам, но сам не свой. Трясёт всего, мычит, говорить не может. Говорят, русалка его поцеловала. Или молния с ясного неба ударила.

Она смотрела прямо на меня, и в её глазах не было страха суеверий. Был холодный, расчётливый интерес. Она что-то подозревала.

– Может, и молния, – сказала я, опуская глаза. – Гроза же была.

– Какая гроза? – фыркнула другая. – Ни грому, ни ветру. Тихо было.

В воздухе повисло напряженное молчание. Я чувствовала, как на меня смотрят. Как оценивают. Лохмотья, бледное лицо, дрожь. Или не дрожь, а... что-то другое? Видят ли они во мне угрозу? Или просто несчастную дуру, на которую свалились все беды?

Пожилая женщина вздохнула, разрывая паузу.

– Ладно, не трави душу. Ты, милаха, отсюда вали. Пока цела. Охотники эти... они к полудню могут нагряться, разнюхают. Ступай по дороге на восток, к переправе. Может,

караван какой купеческий встретишь. С ними безопасней.

Она сунула мне в руку еще один кусок хлеба, на этот раз завернутый в чистую тряпицу. В её движении была окончательность. Она помогала, но и отстранялась. Я стала опасной. Не из-за того, что сделала, а из-за внимания, которое на себя навлекла.

Я кивнула, не в силах вымолвить еще одно «спасибо». Повернулась и пошла прочь, чувствуя на спине их взгляды. Шёпот возобновился сразу же, как только я отошла на несколько шагов.

– ...точно нечисть...

– ...глаза горят...

– ...старосту предупредить надо...

Я ускорила шаг, свернула за первый же угол и прислонилась к холодному бревну избы, закрыв глаза. Охотники. Значит, были правы. За «необычным» тут действительно охотятся. Как за зверем. И они уже здесь. Где-то рядом.

Информация, которую я хотела, обернулась против меня. Теперь я знала слишком много. Значит, и они, эти охотники, могли знать. Про «молнию». Про странную девчонку.

Нужно было уходить. Сейчас. Но куда? На восток, к переправе? А что там? Больше людей. Больше глаз. Больше шансов, что меня заметят, вычислят, поймают.

Одиночество в лесу пугало. Но перспектива быть пойманной кем-то вроде тех «охотников» пугала в тысячу раз больше.

Я сделала глубокий вдох, пытаясь унять дрожь в руках. Хлеб в тряпице казался невероятно тяжелым. План. Нужен был хоть какой-то план. Дойти до переправы. Оценить обстановку. Может, там будет что-то вроде постоянного двора, где можно будет затеряться. Или... или просто украсть лодку и перебраться на другой берег. Там, может, всё будет по-другому.

Это была хлипкая, почти безумная надежда. Но другой у меня не было.

Я оттолкнулась от стены и, не оглядываясь, зашагала прочь из деревни, на восток, туда, где сквозь утренний туман едва угадывалась колея большой дороги.

Дорога оказалась не такой уж и большой. Просто более наезженной глинистой колеёй, петляющей между полей и перелесков. Я шла, стараясь держаться края, в тени редких деревьев. Каждый шорох в кустах заставлял меня вздрагивать и замирать. Каждая птица, вспархивающая с ветки, отдавалась в сердце коротким ударом.

Я чувствовала себя загнанным зверем. Прозрачным. Казалось, меня видно за версту. Эта дрожь, это бледное лицо, эти нелепые лохмотья – всё кричало: «Смотрите, вот она! Диковинка!»

Солнце – то самое, желтое – поднялось выше, но не принесло тепла. Оно светило холодным, безжизненным светом. Второе, оранжевое, пряталось где-то за облаками, напоминая о себе лишь смутным свечением на горизонте.

Я дошла до развилки, где дорога расходилась на три направления. Никаких указателей, конечно. Я замерла в нерешительности. Восток – это какая из них? Я посмотрела на солнце. Оно было... там. Значит, нужно идти от него? Или к нему? В голове всплыли обрывки школьного курса географии, но они тонули в панике. Я не могла думать.

– Сомневаешься?

Голос прозвучал прямо за моей спиной.

Я вскрикнула – коротко, глухо – и отпрыгнула в сторону, спотыкаясь о кочку. Сердце вжалось в горло, готовое выпрыгнуть.

На дороге, в двух шагах от того места, где я только что стояла, стоял мужчина.

Он появился бесшумно. Как будто возник из воздуха. Он был невысок, плотно сложен, одет в потертую, но крепкую дорожную одежду темно-зелёного и коричневого цветов – не бросающую, сливающуюся с лесом. На плече – небольшой котомка. Лицо... обычное. Не молодое, не старое. Загорелое, обветренное, с короткой, аккуратной щетиной. Ничего примечательного. Кроме глаз. Они были серыми, как речная галька, и абсолютно спокойными. В них не было ни угрозы, ни дружелюбия. Была только внимательная, отстраненная наблюдательность. Как у ученого, рассматривающего редкий вид жука.

– Прости, если напугал, – сказал он. Голос у него был ровным, нейтральным, без деревенского акцента. – Вижу, пут-

ник заплутал. Не часто тут таких встретишь.

Я отступила еще на шаг, инстинктивно прижимая к груди сверток с хлебом.

– Я... я не заплутала, – солгала я, и ложь прозвучала настолько жалко, что мне самой стало стыдно.

Он не улыбнулся. Только слегка склонил голову набок.

– Понимаю. Тогда, может, просто устала? Дорога до переправы неблизкая. А вокруг, – он обвел рукой окрестности, – не самый безопасный край. Одной идти... неразумно.

В его словах не было открытой угрозы. Была констатация факта. И предложение. Очень чёткое.

– Кто вы? – спросила я, стараясь вложить в голос твердость. Получилось скрипуче.

– Ланс, – представился он просто. – Странствующий торговец. Редкостями. – Он потрогал свою котомку. – Иногда информация – самая ценная редкость. А у тебя, судя по всему, её избыток. Или наоборот – острая нехватка.

Он смотрел прямо на меня. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на потрескавшихся губах, на синяках под глазами, на мокрых, грязных волосах. Он видел всё. Видел панику. Видел истощение. Видел тот самый вопрос «что делать?», который, казалось, был выжжен у меня на лбу.

– Мне нечего продавать, – прошептала я.

– Не всегда продают за монеты, – парировал он. – Иногда – за историю. За... объяснение. Что привело тебя на этот тракт в таком виде? И главное – что случилось в деревне позавчера

вечером? Слухи ходят любопытные. Про молнию без грома.

Внутри всё похолодело. Он знал. Не просто подозревал. Он знал.

– Я не знаю, о чем вы, – сказала я, и голос предательски задрожал. – Меня... сбросил конь. Я заблудилась.

Он помолчал, изучая меня. Потом медленно кивнул.

– Хорошо. Допустим. Тогда давай заключим сделку. Я предлагаю тебе еду, защиту в пути и знание дороги. А ты... расскажешь мне свою историю. Настоящую. Когда будешь готова. Без принуждения. – Он сделал небольшую паузу. – Альтернатива – идти одной. И встретить тех, кто не будет ждать, пока ты «будешь готова». Они просто возьмут. И разберут на части, чтобы понять, как ты устроена.

Он сказал это так же спокойно, как говорил о погоде. И от этого было в тысячу раз страшнее.

Мой разум, наконец, заработал. Быстро, почти истерично, взвешивая варианты. Идти одной – значит стать лёгкой добычей для тех «охотников» или умереть от голода и холода в лесу. Идти с ним... С незнакомцем, который явно знал больше, чем говорил. Который выглядел как самый опасный хищник из всех возможных – потому что был умным и расчетливым.

Но в его предложении была логика. И даже какая-то... честность. Он не притворялся добрым самаритянином. Он предлагал сделку. Я – информация. Он – выживание.

Я была в ловушке. И эта ловушка казалась единственным

ВЫХОДОМ.

Я посмотрела на его спокойное, невозмутимое лицо. На эти серые, всё видящие глаза. И кивнула. Один раз. Коротко.

– Хорошо, – выдохнула я.

– Разумный выбор, – сказал Ланс, и впервые в уголке его глаза что-то дрогнуло. Не улыбка. Скорее, удовлетворение от правильно решенной задачи. – Тогда пошли. Первый привал сделаем у ручья, в лесу. Там можно будет отдохнуть и... поговорить.

Лесной ручей оказался нешироким, с холодной, прозрачной водой, стремительно бегущей по камням. Ланс выбрал место под разлапистой елью, где земля была сухой, а низкие ветви создавали нечто вроде естественного навеса. Он сбросил котомку, развел костер с пугающей быстротой и ловкостью – несколько сухих веток, щепотка какого-то трута из кармана, пара точных ударов кресалом, и яркие, почти бездымные язычки пламени заплясали.

Я сидела на другом берегу ручья, на выступе мшистого камня, и наблюдала за ним, стараясь не дрожать. От костра пахло дымом и хвоей. Запах был удивительно приятным, домашним, и от этого становилось еще страшнее. Потому что это был обман. Уютная ловушка.

– Ешь, – сказал он, не глядя на меня, и протянул через ручей на длинной ветке что-то вроде лепешки и полоску вяленого мяса. – Пока горячо.

Я взяла еду. Лепешка была твердой, безвкусной, но теп-

лой. Мясо – соленым и жестким. Я ела медленно, чувствуя, как тепло разливается по замерзшему телу, а голод, которого я почти не замечала, просыпается с волчьей силой. Я старалась не подавать вида, но, кажется, съела всё за считанные секунды.

Ланс ел свою порцию неторопливо, методично, его движения были экономны и точны. Закончив, он вытер руки о траву, достал из котомки небольшой бурдюк, отпил и снова протянул мне. Вода внутри пахла кожей и чем-то травяным, но была чистой.

– Итак, – начал он, когда я сделала глоток. Его голос снова стал ровным, деловым. – Начнем с простого. Как тебя зовут?

– Варя, – ответила я почти автоматически. Не было смысла врать в мелочах.

– Варя. Хорошо. Откуда ты, Варя? Не «где тебя конь сбросил». Откуда ты родом? Твой выговор... он не здешний. И одежда. И манера держаться.

Он задавал вопросы не как следователь, а как коллекционер, заполняющий карточку экспоната. Это бесило и пугало одновременно.

– Из далеких краев, – сказала я, глядя в костер. – Вы бы не знали.

– Попробуй. Я много странствовал.

– За горами. За лесами. – Я цитировала сказку, и это звучало глупо. Но другого ответа у меня не было. Я не могла сказать «из Москвы».

– За горами, за лесами, – повторил он, и в его голосе слышалась едва уловимая насмешка. – И в этих краях все ходят в таких платьях и говорят на языке Ардинии, но с твоим странным акцентом?

Я промолчала.

– Ладно. Оставим происхождение. Перейдем к событиям. Ты была в Кичкино позавчера вечером.

Это было не вопросом.

– Да.

– И там произошел... инцидент. С местным жителем. Гришкой.

Мое сердце снова заколотилось. Я сжала кулаки, чувствуя, как под ногтями впивается ладонь.

– Он напал на меня. Я защищалась.

– Как именно? – спросил Ланс, и его голос стал еще тише, еще внимательнее. – Он был больше тебя, сильнее. Пьян и агрессивен. Как девушка в лохмотьях смогла его остановить? Причем так, что у него до сих пор трясутся руки и он не может связать двух слов?

Я подняла на него глаза. Он сидел неподвижно, его лицо было обращено ко мне, но выражение оставалось непроницаемым. Он ждал. Ждал подтверждения.

– Я... – голос снова подвел меня. – Я испугалась.

– Испуг обычно заставляет бежать или кричать. Иногда – бить. Но не оставляет таких последствий. – Он наклонился чуть вперед. – Расскажи, что ты чувствовала в тот момент.

Что было в голове? В теле?

Его вопросы были точными. Они били в цель. Он не спрашивал «что ты сделала?». Он спрашивал о процессе. О механизме.

И я не выдержала. Правда, полуправда, отчаяние – всё смешалось и вырвалось наружу тихим, срывающимся потоком.

– Я хотела, чтобы он отстал! Просто... чтобы исчез! У меня в голове был... шум. Белый шум. И вспышка. Как тогда, когда меня током ударило. И из меня... что-то вырвалось. Я даже не поняла что. Просто... синее. И треск. И запах гари.

Я замолчала, переводя дух. Ланс не перебивал. Он слушал, и в его глазах наконец-то появилось что-то, кроме холодной оценки. Интерес. Глубокий, профессиональный, алчный интерес.

– «Что-то вырвалось», – повторил он за мной. – И это «что-то» имело форму? Цвет? Ты его направляла?

– Нет! Я ничего не направляла! Оно просто... вышло. Из рук. Из всего тела. Я не контролировала это!

– Но ты вызвала это. Своим желанием. Своим страхом. – Он сделал паузу, как бы взвешивая слова. – Это очень важно, Варя. Ты излучаешь силу. Силу, которой здесь не место. Которую не понимают. Которую боятся.

Он сказал это так, будто констатировал диагноз смертельной, но интересной болезни.

– Что это? – прошептала я. – Что со мной?

– Я не знаю, – честно ответил он. – Но за тебя уже могут дать хорошую награду. Люди, у которых есть власть и любопытство. Гильдии. Маги. Или просто... устранить. Как опасную, непонятную аномалию.

Его слова повисли в воздухе, холоднее воды в ручье. Он не угрожал. Он предупреждал. И в этом предупреждении была страшная правда. Я видела её в глазах той худой женщины у колодца. В страхе деревенских. Я была чужой. И не только из-за другого мира. Из-за того, что было у меня внутри.

– И что мне делать? – спросила я, и в голосе прозвучала детская, беспомощная нота.

Ланс посмотрел на меня долгим, тяжелым взглядом. Потом встал.

– Пока что – идти со мной. Я доведу тебя до места, где твою... особенность... смогут оценить по достоинству. Или хотя бы понять. Это лучше, чем быть пойманной первым встречным охотником за головами. – Он потянулся за своей котомкой. – Но для этого нам нужны гарантии.

– Какие гарантии? – спросила я, поднимаясь. Внутри всё сжалось в тугую, болезненный узел.

Ланс не ответил. Он вынул из котомки не оружие, а два тонких металлических браслета. Они были темными, матовыми, без каких-либо украшений, только с едва заметными мелкими насечками. Он взял один в правую руку.

– Это наручники подавления, – сказал он тем же ровным, инструктивным тоном. – Они гасят неконтролируемые вы-

бросы энергии. И не дают тебе отойти далеко.

Я отступила на шаг, наткнувшись на камень.

– Нет. Я не надену это.

– Это не вопрос желанья, – парировал он. – Это вопрос безопасности. Твоей и моей. Один неконтролируемый разряд в неподходящем месте – и нас обоих могут найти. Или ты убьешь нас случайно, как того пьяницу.

– Я не убивала его! – выкрикнула я.

– Пока что, – сказал он, и в его голосе впервые прозвучала усталость. Не злость, не жестокость. Просто усталость от необходимости объяснять очевидное. – Но ты могла. И можешь снова. Эти браслеты – не наказание. Это предохранитель.

Он сделал шаг ко мне. Я отпрыгнула назад, к самому краю ручья. Вода хлестнула мне по щиколоткам, ледяная.

– Не подходи!

– Варя, – его голос стал тверже. – Ты сама только что сказала, что не контролируешь это. Я предлагаю тебе шанс дойти до места, где тебе, возможно, помогут научиться контролю. Без этих браслетов ты – ходячая катастрофа. И первая же сильная эмоция – страх, гнев, паника – может эту катастрофу запустить. Ты хочешь этого?

Я стояла, дрожа, глядя на эти безликие металлические обручи. Они выглядели как оковы. Потому что они ими и были. Но в его словах была своя, извращенная логика. Я боялась самой себя. Боялась того, что может вырваться наружу

снова.

Он видел мою нерешительность. И воспользовался ею.

Его движение было быстрым, плавным и невероятно точным. Он не бросился на меня. Он просто сделал два стремительных шага, его рука мелькнула в воздухе. Я инстинктивно подняла руки, чтобы защититься.

Холодный металл коснулся моего левого запястья. Раздался тихий, но отчетливый щелчок – будто закрылся сложный замок. Браслет обхватил мою руку, плотно, но не болезненно. Он был легким и... тёплым. Не от тела. От едва уловимой внутренней вибрации.

В тот же миг Ланс нацепил второй браслет себе на правое запястье.

Между браслетами вспыхнула тонкая, почти невидимая нить бледно-голубоватого света. Она была тугая, эластичная, длиной не больше метра. Я потянула руку на себя – нить растянулась, но не порвалась, а в месте соединения с браслетом почувствовалось легкое, предупредительное покалывание.

– Что это? – прошептала я, с ужасом глядя на эту сияющую цепь.

– Связующее поле, – объяснил Ланс, как будто говорил о погоде. – Оно не даст тебе отойти дальше, чем на длину нити. И если ты попробуешь разорвать её силой, или если в тебе произойдет мощный энергетический выброс, браслеты ответят подавляющим импульсом. Болезненным. Мне тоже, кстати, так что я не заинтересован в твоих экспериментах.

Он потянул свою руку в сторону – моя рука дёрнулась за ним. Физическая близость стала вынужденной, неотвратимой. Метр. Всего метр разделял нас.

Я почувствовала приступ чистой, белой ярости. Меня поймали. Купили за лепешку и воду и поймали, как животное. Я рванулась назад изо всех сил, пытаюсь разорвать эту мерзкую светящуюся нить.

Боль ударила по запястью, острая, жгучая, как удар раскаленной иглой. Я вскрикнула и отпустила руку. Ланс вздрогнул, его лицо исказила гримаса – он тоже почувствовал это. Он резко дернул свою руку, и меня потянуло вперед, я едва удержалась на ногах.

– Я же предупреждал, – сказал он, и в его голосе наконец прозвучало раздражение. – Это не цепь, которую можно порвать. Это контур. Ты – часть схемы. Попробуешь сломать схему – схема тебя накажет.

Он посмотрел на меня, и в его серых глазах не было ни капли сочувствия. Только холодная решимость и усталость. Усталость от необходимости возиться с опасным, непредсказуемым грузом.

– Успокойся, – сказал он уже более ровно. – Чем спокойнее ты, тем меньше шансов, что тебе снова будет больно. Идём. До наступления темноты нужно отойти от этого места подальше.

Он повернулся и, не глядя на меня, пошел вдоль ручья, вглубь леса. Нить натянулась, и моя рука снова дёрнулась за

ним.

Я стояла еще секунду, глядя на его спину, на этот туго натянутый сияющий поводок, соединяющий меня с моим тюремщиком. В груди kloкотала ненависть, унижение, страх. Но больше всего – леденящее осознание. Я была в клетке. Самой совершенной из возможных. Клетке, которая была пристегнута ко мне.

Я сделала шаг. Потом еще. И пошла за ним, чувствуя, как каждый мой шаг отзывается легким сопротивлением этой невидимой, но неразрывной связи. Лес сомкнулся над нами, поглощая последние следы дневного света. Наше путешествие началось. Я была не попутчицей. Я была пленницей. А он – моим охотником, конвоиром и, как он сказал, единственным шансом.

Самый худший из всех возможных вариантов. И единственный, который у меня остался.

ГЛАВА 3. НАПРЯЖЕНИЕ В ДОРОГЕ

Мы шли. Молча. Лесной воздух был холодным и влажным, каждый вздох обжигал лёгкие. Я шла на полшага сзади, вынужденная подстраивать свой темп под его широкий, неторопливый шаг. Сияющая нить между нашими запястьями была туго натянута, вибрируя от каждого движения. Она не тянула, но постоянно напоминала о себе лёгким, упругим сопротивлением, как резинка.

Мои мысли были мутными, тяжёлыми, словно пропитанными той же лесной сыростью. Я смотрела на его спину – на потертый плащ, на котомку, ритмично покачивающуюся на ремне, на затылок, где темные волосы были коротко стрижены. Он был спокоен. Абсолютно. Его дыхание ровное, шаги размеренные. Он вёл меня, как ведут лошадь на поводу, не оглядываясь, не проверяя. Просто знал, что я здесь, на расстоянии вытянутой руки, пристёгнутая.

Унижение горело у меня в горле кислым комком. Я была не человеком, не попутчицей. Я была грузом. Опасным грузом, который необходимо доставить в целостности и сохранности. Всё, что он говорил у ручья – про «оценку», про «понимание» – было ложью. Красивой обёрткой для простого факта: меня поймали.

– Так и будешь тащить меня на этой... верёвке? – моё собственное голос прозвучало хрипло, ядовито. Я не планировала говорить, но тишина давила сильнее, чем эта нить.

Ланс не обернулся. Не замедлил шаг.

– Это не верёвка. Это поле ограничения. И да, буду. До места.

– А если я захочу... ну, знаешь, по нужде? – я вложила в вопрос всю возможную язвительность.

Он на секунду замер, потом слегка повернул голову, бросив на меня быстрый, безразличный взгляд через плечо.

– Предупредишь. Отойдём в кусты. Длина связи позволяет.

И снова пошёл. Как будто обсудили погоду.

Я стиснула зубы. Злость, беспомощная и горячая, подкатила к горлу. Я хотела ударить его. Чем угодно. Но чем? У меня не было ничего. Только эти дурацкие тряпки на теле и хлеб в кармане. И эта сила внутри, которую теперь сдерживали браслеты. Я инстинктивно попыталась сосредоточиться, почувствовать её – то жужжание, ту сжатость в груди, что была в момент удара. Ничего. Только лёгкое, едва уловимое покалывание в месте, где браслет касался кожи. Как будто что-то усыпили.

– Ты что, вообще не устаёшь болтать? – спросила я, не в силах остановиться. Мне нужно было его раскачать. Вывести из этого проклятого спокойствия. – Или тебе платят за молчание тоже?

На этот раз он остановился. Полностью. Повернулся ко мне. Его лицо было всё таким же невозмутимым, но в серых глазах что-то мелькнуло. Не гнев. Скорее, утомлённое раздражение.

– Мне платят за результат, – сказал он четко. – А твоя болтовня этот результат не приближает. Она только привлекает лишнее внимание и тратит силы. Мои и твои. Умей их беречь.

Он повернулся и снова зашагал, на этот раз чуть быстрее. Меня дёрнуло за руку, и я едва удержала равновесие, спотыкаясь о корень.

Мы снова погрузились в молчание. Но теперь оно было другим. Напряжённым. Я шла, глотая обидные слова, которые так и не смогла высказать. Он был прав. Я тратила силы на ерунду. Силы, которых у меня и так почти не оставалось. Ноги ныли, спина затекла от странной, скованной позы. Я смотрела на его спину и представляла, как эта сияющая нить рвётся. Как он летит вперёд от неожиданности. Смешная, детская фантазия.

Реальность была вот эта холодная, сырая тропа. И метр несвободы, пристёгнутый к моему запястью.

К полудню мы вышли на небольшую поляну, залитую бледным, холодным светом двух солнц. Ланс остановился, осмотрелся и, наконец, ослабил напряжение нити, дав мне немного свободы движений.

– Привал. Полчаса.

Он сбросил котомку, достал тот же бурдюк и протянул мне. Я взяла его молча, отпила. Вода была тёплой от его тела и всё так же пахла кожей и травами. Потом он дал ещё одну лепёшку. Я села на замшелый валун в метре от него, соблюдая дистанцию, которую позволяла связь, и стала жевать, стараясь не глядеть в его сторону.

Он же устроился на корточках у небольшого родника, что бил из-под корней старой ели, и начал методично проверять содержимое своей котомки. Доставал какие-то маленькие мешочки, свёртки, осматривал, засовывал обратно. Его движения были экономными, точными. Ничего лишнего.

Я закончила есть и сидела, глядя на свои руки. На этот чёрный, невзрачный браслет. Насечки на нём были мелкими, сложными. Не просто узор. Скорее, письмена. Руны? Я попыталась рассмотреть их поближе, но они сливались в единую тёмную полосу.

Идея пришла внезапно. Глупая, отчаянная, но идея.

Он говорил, что браслеты гасят выбросы из меня. Но что, если воздействовать на них извне? Если замкнуть цепь не через своё тело, а через что-то другое? Заземлить, как в электротехнике.

Я медленно, стараясь не привлекать внимания, опустила руку с браслетом к земле. Пальцами левой руки стала рыть в сырой земле, пока не нащупала толстый, влажный корень. Я обхватила его. Холодная, скользкая кора. Потом, сделав вид, что просто сижу и отдыхаю, я наклонилась и прижала

браслет к тому же корню. Металл коснулся дерева.

Ничего.

Я сжала корень сильнее, пытаюсь представить, как энергия, если она ещё есть, стекает по нему в землю. Как сопротивление падает, и схема... ломается.

Ланс, промывавший в роднике какую-то металлическую чашку, замер. Не поворачивая головы.

– Не делай этого, – сказал он спокойно.

Я проигнорировала его. Сосредоточилась. Вспомнила тот страх, ту ярость. Попыталась вызвать их снова, направляя не вовне, а внутрь браслета, в точку соприкосновения с корнем. Сломайся. Сломайся, чёрт тебя побери!

Браслет на моём запястье вдруг стал тёплым. Потом горячим. На коже под ним зачесалось, закололо, будто сотня мелких иголок. Я вскрикнула от неожиданности, но не отпустила корень.

И тогда ударило.

Боль была не такой, как при попытке разорвать нить. Она была глубже, тоньше, противнее. Не удар, а пронизывающий вибрационный шок. Он прошёл от запястья по всей руке, впился в плечо, отозвался звоном в зубах. Моё тело дёрнулось, пальцы сами разжались, выпустив корень. Я отшатнулась, схватившись за онемевшее запястье.

Ланс вскрикнул тоже. Коротко, сдавленно. Он резко встал, его правая рука, тоже в браслете, дёрнулась, он зажал запястье левой ладонью. Его лицо исказила гримаса боли и...

ярости? Нет, скорее, глубочайшего раздражения.

– Я же предупреждал! – его голос прозвучал резко, впервые за всё время потеряв нейтральность. – Это не цепь! Это контур! Ты – активная часть схемы! Попытка заземлить одну часть без отключения второй вызывает обратную связь. Ты хочешь сжечь нам обоим нервные окончания?

Я сидела, тяжело дыша, глядя на него широко раскрытыми глазами. Боль отступала, оставляя после себя жгучее онемение. Его слова доносились сквозь звон в ушах. «Активная часть схемы». «Обратная связь».

Это был не замок. Это была сложная электрическая схема с обратной связью. Как датчик, подключенный к контроллеру. Попытка взломать датчик – и контроллер получает сигнал и бьёт по системе.

Он подошёл, шагая резко, и остановился передо мной, всё ещё сжимая своё запястье. Его лицо было близко. Я видела, как напряжена его челюсть, как блестят его серые глаза – теперь в них было нечто живое. Гнев.

– Слушай меня внимательно, – прошипел он, наклоняясь. Его дыхание пахло той же травяной водой. – Эти браслеты – не игрушка. Они созданы, чтобы удерживать то, что нельзя удержать силой. Чем больше ты пытаешься их обмануть, тем больнее будет тебе. И мне. А мне это не нужно. Мне нужно доставить тебя целой и работоспособной. Поняла?

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Не от страха. От осознания. Он не просто конвоир. Он был частью этой

системы сдерживания. И его безопасность тоже зависела от неё. Мы были в одной ловушке. Разных сторон, но в одной.

Он выпрямился, разжал свою руку. На его запястье, там, где был браслет, краснела полоска раздражённой кожи. Как и у меня.

– Привал окончен, – сказал он холодно. – Идём.

Он повернулся, потянул за связующую нить. На этот раз я не сопротивлялась. Я встала и пошла за ним, глядя на его спину уже с другим чувством. Не только с ненавистью. С расчётливым, медленно просыпающимся интересом. Он сказал «активная часть схемы». Значит, в этой схеме есть и пассивная. И управляющая. Нужно было просто понять, какая часть – кто.

К вечеру лес начал редеть, и впереди показались признаки жизни – заборы, пашни, тонкая струйка дыма. Дорога стала шире, наезженной. Мы вышли к придорожной харчевне. Это было длинное, низкое строение из темного бревна с крутой соломенной крышей. Из трубы валил густой, жирный дым, пахнувший жареным луком и чем-то мясным. У входа была привязана пара усталых лошадей.

Ланс замедлил шаг, оценивающе оглядел постройку.

– Здесь переночуем. Будешь вести себя тихо и делать то, что я скажу.

– А если нет? – спросила я автоматически, ещё полная впечатлений от дневной неудачи.

– Тогда ночевать будем в лесу. А утром я буду объяснять

первым встречным, что ты – сбежавшая одержимая, которую нужно срочно связать и доставить в храм для экзорцизма. Думаю, помощь найдётся быстро.

Я сглотнула. Он сказал это так убедительно, будто уже проделывал такое не раз.

– Поняла, – пробормотала я.

Он кивнул и повёл меня внутрь.

Внутри было темно, дымно и шумно. Несколько столов, скамьи. Пара путников в дальнем углу, местные мужики у стойки. Все обернулись на наш вход. Взгляды, как всегда, усталились на меня. На мои лохмотья, на браслет, на Ланса. Но увидев его спокойное, не располагающее к вопросам лицо и простую, но качественную дорожную амуницию, большинство потеряло интерес. Странствующий торговец с пленницей – не самая диковинная картина, видимо.

Ланс выбрал стол в углу, у стены. На столе в самом его центре было вбито тяжелое железное кольцо – для привязывания сумок или, видимо, беспокойных спутников. Он пристегнул браслет к этому кольцу коротким, знакомым щелчком. Сияющая нить потухла, но связь осталась – теперь я была привязана к столу радиусом в полметра.

– Сиди, – приказал он и пошёл к стойке, где дородная хозяйка что-то помешивала в котле.

Я осталась одна. Сбежать было невозможно. Я села на скамью, чувствуя себя привязанной собакой. Мужики у стойки перешёптывались, поглядывая на меня. Я опустила глаза,

стараясь стать невидимкой.

Ланс вернулся с двумя глиняными мисками, полными густой похлёбки с кусками тёмного мяса и корнеплодов, и кувшином чего-то, что пахло как слабый сидр. Он поставил одну миску передо мной, сел напротив и начал есть, не глядя на меня.

Еда была горячей, жирной и невероятно вкусной после лепёшек и вяленого мяса. Я ела, стараясь не чавкать, чувствуя, как тепло разливается по телу. Голод немного утих, а с ним и острота унижения. Появилось пространство для наблюдения.

Я оглядела харчевню. В углу потрескивал камин, но основной свет давали странные светильники на стенах. В них не было огня. Внутри стеклянных колб мерцали и переливались какие-то самоцветы, излучая ровный, холодноватый свет. Магия. Та самая, что должна была быть здесь вместо электричества.

И я не выдержала. Инженерная жилка, задавленная страхом и злостью, зашевелилась.

– Какое неэффективное свечение, – пробормотала я себе под нос, глядя на ближайший светильник. – Половина энергии уходит в бесполезный спектр. И явно нет рассеивателя, свет слепящий, КПД от силы двадцать процентов... Тупой кристалл в стеклянной банке...

Я не заметила, как говорила всё громче, рисуя пальцем на засаленном столе воображаемую схему: кристалл-источник,

фокусирующая линза, отражатель... Я даже не смотрела на Ланса.

Хозяйка, проходившая мимо с подносом, замерла и уставилась на мои пальцы, водившие по столу. На столе, от мокрого пальца, оставались слабые, но различимые следы. Для неё это, вероятно, выглядело как рисование непонятных, возможно, магических символов.

Её лицо вытянулось. Она отступила на шаг, перекрестилась широким, судорожным жестом.

– Чёрные знаки! – взвизгнула она, тыча в меня пальцем. – Колдовство! У меня в доме колдовство творят!

В харчевне воцарилась мгновенная тишина. Все головы повернулись к нашему столу. Ланс, доевший последнюю ложку похлёбки, медленно опустил ложку. Он посмотрел на меня. В его глазах не было ни удивления, ни страха. Была лишь глубокая, бездонная усталость.

– Что ты наделала? – спросил он тихо, но так, что слова прозвучали чётче любого крика.

– Я ничего! – начала я, но было уже поздно.

Хозяйка отчаянно запричитала, зовя кого-то «из сеней». Из-за занавески появился здоровенный детина в засаленном фартуке, с колом для мяса в руке. Он смотрел на нас с немым вопросом.

Ланс встал. Его движение было плавным, но быстрым. Он отсоединил браслет от кольца, и сияющая нить снова вспыхнула между нами. Он бросил на стол несколько мелких мо-

нет – они звякнули, покотившись.

– Простите за беспокойство, – сказал он хозяйке ледяным тоном. – Моя спутница... не в себе. С дороги. Мы не хотели причинять неудобств.

Он не стал ничего объяснять. Просто развернулся и, крепко держа связующую нить, потащил меня к выходу. Меня дёрнуло так резко, что я едва успела встать. Мы выскочили на улицу в облаке перепуганных взглядов и шёпота.

На улице уже смеркалось. Ланс оттащил меня за угол харчевни, в тень, и повернулся ко мне. Его лицо в полумраке казалось высеченным из камня.

– Ты слышала, что я говорил про лишнее внимание? – спросил он, и каждый звук был отточен, как лезвие. – Или «КПД» и «спектр» для тебя важнее собственной шкуры?

– Я просто думала вслух! – попыталась оправдаться я, но он перебил.

– Здесь не думают вслух! Здесь молчат и слушают! Каждое твоё странное слово, каждый жест – это маяк для тех, кого лучше не встречать! Мы могли остаться без ночлега, без еды, а могли получить визит местной стражи! И тогда вместо тихой дороги нам пришлось бы отбиваться или убегать! Поняла, наконец?

Он ждал ответа. Я молчала, сжав кулаки. Он был прав. Снова прав. Моя глупая, учёная привычка всё анализировать едва не навлекла на нас беду. В мире, где магия – реальность, а я – диковинка, рисовать схемы на столе было чистым безу-

мием.

– Поняла, – прошептала я.

Он тяжело вздохнул, отпустил мою руку, которую сжимал слишком сильно.

– Идём. Найдём место в лесу. Надеюсь, твои расчёты не касаются разведения костров. Иначе останемся без ужина.

Мы шли ещё час, пока не нашли подходящее место – небольшую, сухую ложбину под скальным выступом, скрытую от дороги густым кустарником. Ланс, не спрашивая моего мнения, установил маленькую походную палатку из плотного, пропитанного воском полотна. Она была рассчитана на одного.

– Ты – внутри, – сказал он, указывая на вход. – Я – снаружи.

– А связь? – спросила я, глядя на сияющую нить.

Он молча отсоединил браслет от своего запястья сложным, быстрым движением пальцев. Нить не погасла. Вместо этого она сократилась, стала короче и... прикрепилась одним концом к его браслету, лежащему на земле, а другим – к моему. Теперь я могла отойти от него ровно на длину палатки. Не больше.

– Так спокойнее, – пояснил он. – И для тебя, и для меня. Залезай.

Я залезла в палатку. Внутри было тесно, пахло деревом, воском и чужим потом. Но это было укрытие. От холода, от взглядов. Я свернулась калачиком на тонком подстиле, кото-

рый он бросил внутрь, и прислушалась.

Снаружи послышался шелест – он расстилал свой плащ на земле. Потом тихий звук точильного камня о металл. Он точил нож. Звук был ровный, ритмичный, гипнотический.

Я лежала в темноте, глядя на слабое свечение нити, проникавшее сквозь ткань палатки. Усталость навалилась всей своей тяжестью, но сон не шёл. В голове крутились образы: светящиеся светильники, испуганное лицо хозяйки, усталые глаза Ланса.

– Эй, – тихо позвала я, не зная, зачем.

Точильный камень замолк.

– Что?

– Куда ты меня везёшь? – спросила я. В темноте, не видя его лица, было чуть проще. – И что они со мной сделают?

Наступила пауза. Я слышала, как он переворачивается, устраиваясь поудобнее.

– В столицу, – ответил он наконец. Его голос из-за палатки звучал приглушённо, но ясно. – Канделар. Там есть Гильдии. В том числе – Гильдия Пламени. Они изучают энергию. Огненные потоки, свет, тепло. Твоя... способность... их заинтересует.

– Изучат, – повторила я. Слово звучало зловеще. – Это как?

Ещё одна пауза. Более долгая.

– Будут смотреть. Измерять. Попробуют понять принцип. Смогут ли научить контролю... не знаю. Если ты не взо-

рвёшься сама и не взорвёшь их лабораторию в процессе – будешь жить. Может, даже полезной окажешься. Как источник энергии. Или как оружие.

Он говорил отстранённо, без эмоций. Как о погоде. «Будешь жить». «Полезной окажешься». Не «помогут». Не «спасут». «Используют».

– А ты? – спросила я, и голос дрогнул. – Что ты получишь?

– Оплату, – коротко сказал он. – За доставку ценного образца. Работа такая.

В его тоне не было ни угрозы, ни злорадства. Была простая констатация. Он – охотник. Я – добыча. Всё по правилам.

Я закрыла глаза. В груди стало пусто и холодно. Последние намётки надежды – что он, может быть, не такой, что есть какой-то другой путь – рассыпались в прах. Он был именно таким. Холодным, расчётливым профессионалом. И я была для него товаром.

– Понятно, – прошептала я.

Снаружи снова заскреб точильный камень. Ровно, методично.

– Попробуй поспать, – сказал он после долгого молчания. Его голос снова стал нейтральным, безразличным. – Завтра длинный переход.

Я не ответила. Я лежала, глядя в темноту, слушая этот мерный скрежет. Он точил нож. Возможно, для защиты. От лесных тварей. От других охотников. А возможно... просто привык спать с оружием наготове. Рядом с опасным грузом.

Сияющая нить тускло пульсировала в такт моему сердцебиению. Напоминание. Контур был замкнут. И выхода из него, похоже, не было.

ГЛАВА 4. ПЕРВАЯ ИСКРА СОПРОТИВЛЕНИЯ

Утро началось не с рассвета, а с воя.

Это был не волчий вой – слишком высокий, пронзительный, полный хищной тоски. Звук разорвал предрассветную тишину и заставил мое сердце, ещё полусонное, бешено заколотиться. Я вжалась в пол палатки, затаив дыхание.

Снаружи мгновенно зашевелились. Послышался резкий звук – Ланс вскочил, металлический шелест вынимаемого из ножен клинка.

– Не выходи, – его голос прозвучал тихо, но с такой железной командной интонацией, что я замерла на месте. – Молчи.

Вой повторился, уже ближе. На несколько голосов. Их было трое. Может, четверо. Звук шёл не с дороги, а из глубины леса, от скал.

Я лежала, прислушиваясь к собственному стуку сердца в ушах. Палатка вдруг показалась не укрытием, а ловушкой, гробом из пропитанного воском полотна. Я ничего не видела.

Снаружи послышался лёгкий скрип – Ланс делал шаг, отходя от лагеря. Потом резкий, короткий свист рассекаемого воздуха и глухой удар. Кто-то взвизгнул – нечеловеческим, хриплым голосом. Запахло свежей кровью, резким и мед-

НЫМ.

Но вой не прекратился. Наоборот, он стал яростнее. Затопали ноги, зашуршали кусты. Ещё один удар клинка, на этот раз с приглушённым стуком, будто рубили по дереву. Ланс отрывисто выругался.

Я не выдержала. Медленно, очень медленно, отстегнула полог палатки и выглянула в щель.

Рассвет только-только синел на небе, окрашивая лес в холодные, неясные тона. В ложбине царил хаос. Ланс, спиной ко мне, сражался с тремя... существами. Создания были размером с крупную собаку, но на этом сходство заканчивалось. Их тела казались слепленными из земли, коры и острых сланцевых плиток, которые шевелились, как чешуя. У них не было глаз – только тёмные впадины, а пасти были усеяны осколками кварца, блестящими в ущербном свете. Каменные волки. Или что-то в этом роде.

Один лежал неподвижно, с проломленной каменной «черепной коробкой». Двое других нападали синхронно, с чудовищной для своей тяжеловесности скоростью. Ланс отбивался коротким, тяжёлым мечом. Его движения были быстрыми и точными – удар, отскок, блок. Вспышка огня с его свободной левой руки ослепляла тварь на секунду, давая время на удар. Но каменная «шкура» была прочной. От меча летели искры и сколы, но не кровь.

Одна из тварей, более крупная, сделала ложный выпад в сторону Ланса, а вторая, проворная, рванула в обход – прямо

к палатке. Прямо ко мне.

Её «взгляд» – эти пустые тёмные ямы – нацелился на щель, в которую я смотрела. Она почуяла более лёгкую добычу.

Ланс, занятый первой тварью, резко обернулся и крикнул: «Назад!»

Но было поздно. Каменный зверь уже прыгал. Его тело, тяжелое и угловатое, летело на меня, кварцевые зубы блестели в нескольких сантиметрах от моего лица. Запах плесени, сырой земли и чего-то острого, минерального ударил в нос.

Страх. Он нахлынул мгновенно, знакомый, всесокрушающий. Но в этот раз он не был паническим. Он был холодным и ясным. Это был страх смерти, который оставляет в голове только одну мысль: «НЕТ».

И моё тело отреагировало. Не я его попросила. Оно среагировало само.

Я инстинктивно выбросила вперёд руку – ту самую, что была в браслете, всё ещё пристёгнутом к его браслету на земле. Я не думала о разряде. Я просто хотела оттолкнуть, закрыться.

Раздался не хлопок и не треск. Это был звук рвущейся ткани мироздания – короткий, сухой, невероятно громкий КРА-АК!

Из моей ладони, из кончиков пальцев, вырвался не сгусток синих искр. Это был чёткий, яростный, сине-белый зигзаг. Настоящая молния в миниатюре, толщиной в руку. Она

ударил не в тело твари, а прямо в открытую пасть, полную кварцевых осколков.

Эффект был мгновенным и ужасающим. Кварц в её пасти вспыхнул ослепительным белым светом, будто внутри кто-то включил мощную лампу. Потом раздался хруст – не костей, а лопающегося камня. Тварь замерла в прыжке, её тело пронзила неестественная судорога. Сланцевая «чешуя» на груди почернела и осыпалась дождём мелких обломков. Она рухнула на землю в двух шагах от палатки, издав последний хриплый звук, и затихла. От неё потянуло гарью и расплавленным камнем.

Вторая тварь, которую удерживал Ланс, отпрыгнула назад с пронзительным визгом, явно напуганная внезапной смертью сородича и этой странной, чистой энергией. Она метнулась в кусты и исчезла, ломая ветки.

Наступила тишина. Глухая, оглушающая. В ушах звенело от того хлопка.

Я сидела на коленях у входа в палатку, всё ещё вытянув вперёд руку. На кончиках пальцев танцевали крошечные, потухающие искорки. Воздух пах озоном, горелым камнем и страхом.

Ланс стоял неподвижно, опустив меч. Его грудь быстро вздымалась, на лбу блестел пот. Он не смотрел на убегающую тварь. Он смотрел на меня. Потом его взгляд медленно переполз на убитое существо, от которого всё ещё шёл лёгкий дымок.

Он подошёл. Не ко мне. К твари. Осторожно, кончиком меча, перевернул её. Осмотрел почерневший, оплавленный участок на каменной груди и полностью обугленную, развороченную изнутри пасть. Его лицо было бледным под загаром, но не от страха. От чего-то другого. От сосредоточенного, почти хищного интереса.

Потом он поднял глаза на меня. В его серых глазах не было ни капли благодарности. Ни облегчения. Был холодный, аналитический азарт, смешанный с глубокой тревогой.

– Направленный разряд, – произнёс он тихо, как бы про себя. – Точечное воздействие. Без рун. Без фокусирующего кристалла. Через камень-проводник... – Он кивнул на кварцевые зубы. – Интересно...

Он выдохнул, подошёл ближе. Я отползла назад, в палатку, всё ещё не в силах разжать кулак. Рука дрожала.

– Ты... – он остановился, подбирая слова. – Ты направила его? Сознательно?

Я покачала головой, не в силах выговорить ни слова. Горло было сжато.

– Нет, – хрипло прошептала я наконец. – Я просто... не хотела, чтобы она меня съела.

Ланс наклонил голову, изучая меня, как редкий феномен.

– Сильная эмоция. Страх. Желание защититься. И энергия выходит, подчиняясь желанию. Находит самый эффективный путь. – Он говорил почти шёпотом, его ум явно работал на пределе, раскладывая по полочкам увиденное. – А

браслеты... они не подавили. Они только сгладили, сделали выброс более... управляемым. Контролируемым. Значит, сила исходит не извне, не из окружающего эфира. Она генерируется внутри. Постоянно.

Он посмотрел на свои руки, потом на мои.

– У тебя в груди, – сказал он с какой-то почтительной ужасной отстранённостью, – не сердце. Маленькая, личная гроза.

Это прозвучало не как оскорбление. Как диагноз. Как открытие.

Я обхватила себя руками, стараясь прекратить дрожь. «Маленькая гроза». Это было точнее, чем что-либо ещё.

– Она убьёт меня? – спросила я, и голос предательски задрожал.

Ланс помолчал.

– Не знаю, – честно ответил он. – Но если она способна плавить камень... – Он не закончил. Закончить было не нужно. Если она плавит камень, то с живой плотью справится ещё проще. И с костями. И с внутренностями.

– Значит, нужно, чтобы ты не боялась, – продолжил он, и в его голосе прозвучала странная, не свойственная ему нота – что-то вроде усталой иронии. – И не злилась. И не испытывала сильных эмоций вообще. Сложная задача. Особенно в нашем положении.

Он повернулся, подошёл к своему брошенному плащу и котомке. Достал блокнот в кожаном переплёте и короткий,

заточенный с двух сторон графитовый стержень. Присел на корточки, прислонившись к скале, и начал что-то быстро писать.

Я сидела и смотрела на него. Шок от случившегося медленно отступал, и на его место приходило осознание. Я только что убила. Снова. На этот раз не почти-случайно, не в панике самообороны от человека. Я убила монстра. Сознательно? Нет. Но намеренно? Да. Я хотела, чтобы оно умерло. И оно умерло.

И это... сработало. Не как неуправляемая вспышка. Как оружие.

Ланс закончил писать, оторвал листок и протянул мне. Я взяла его дрожащими пальцами.

На нём были чёткие, угловатые записи.

«Объект: Живой источник (условно «Молния»).

Событие: Нападение крапника (камено-земляная тварь, 3-й класс угрозы).

Реакция: Неконтролируемый выброс энергии в ответ на прямую угрозу жизни.

Форма выброса: Чёткий, направленный разряд (зигзагообразный, сине-белый).

Механизм: Эмоциональный триггер (страхжелание защиты). Энергия следует вектору намерения, находя оптимальный проводник (в данном случае – кварц в пасти цели).

Подавление браслетами: Неполное. Сглаживание пиковой мощности, но не блокировка источника. Гипотеза: источник

– внутренний, постоянный.

Вывод: Объект представляет собой аномалию высокой опасности и высокой ценности. Необходима дальнейшая изоляция и изучение в контролируемых условиях. Риск для проводника (меня) – высокий.»

Я подняла на него глаза. Он смотрел на меня уже не как на человека. Как на объект. Опасный, интересный, требующий особого обращения образец.

– «Объект»? – прошептала я, сжимая листок.

– Для отчёта, – бесстрастно сказал он, забирая листок обратно и аккуратно вкладывая в блокнот. – Так понятнее. И безопаснее. Для всех.

Он встал, потянулся, разминая плечо, на которое, видимо, пришёлся удар.

– Собирайся. Нам нужно сменить место. Шум и запах гари привлекут кого-нибудь ещё. И постарайся... – он запнулся, искажая губы в подобии улыбки, в которой не было ни капли веселья, – ...сохранять спокойствие. Ради моего спокойствия, если не ради твоего.

Он начал быстро и ловко сворачивать палатку, не глядя на меня. Его движения были отточены, эффективны. Шок прошёл, и он вернулся в свою роль – охотника, конвоира, учёного.

Я медленно выползла из палатки, встала на ноги. Рука, из которой вышел разряд, всё ещё покалывала. Я посмотрела на ладонь. Никаких следов. Ни ожогов, ни шрамов. Только

память о том, как по коже пробежали мурашки перед самым выстрелом.

Он был прав. Я была объектом. Опасным объектом. И теперь, когда он это понял до конца, всё изменилось. Изменилось навсегда.

Мы шли большую часть дня, углубляясь в более старый, сумрачный лес. Ланс вёл нас не по тропам, а по едва заметным звериным следам, часто останавливаясь, чтобы прислушаться или стереть наши следы. Его поведение изменилось. Он не просто вёл пленницу. Он охранял ценный груз. Его взгляд постоянно скользил по деревьям, его уши, казалось, ловили каждый шорох. И время от времени он бросал на меня быстрые, оценивающие взгляды, как будто проверял, не перегрелся ли я, не собираюсь ли снова устроить фейерверк.

Молчание между нами было уже не просто неловким. Оно было натянутым, как струна, заряженным новым знанием. Он знал, на что я способна. И я знала, что он это знает.

К полудню мы вышли к небольшому лесному озерцу с чёрной, неподвижной водой. Ланс позволил остановиться.

– Пей, мойся если хочешь, – сказал он, пристёгивая браслет к толстому корню у воды. – Я наверху, на скале, буду следить.

Он полез на небольшой утёс, поросший мхом, оставив меня одну у воды, но на расстоянии, с которого он мог всё видеть. Доверие не увеличилось. Бдительность – да.

Я опустилась на колени у самой воды и заглянула в тёмное

зеркало. Отражение было пугающим. Лицо – бледное, осунувшееся, с синяками под глазами. Волосы – спутанные, с соломой и хвоей. Платье – грязное, порванное в нескольких местах. Я выглядела как призрак. Или как то, что он написал – объект.

Я зачерпнула ладонями воду и умылась. Холод привёл в чувство. Потом я развязала тряпичные обмотки на ногах и опустила ступни в воду. Ледяной укол заставил вздрогнуть, но потом наступило облегчение. Я сидела так, глядя на озеро, и пыталась осмыслить.

«Маленькая гроза». Постоянный источник. Значит, это не одноразовое явление. Это часть меня. Как сердцебиение. Только сердце бьётся кровью, а это... чем? Электричеством? Чистой энергией? Откуда она берётся? Закон сохранения энергии должен же работать! На что тратится топливо? Моя пища? Моя жизнь?

Я закрыла глаза, пытаюсь прислушаться к себе. К тому, что внутри. Сначала ничего. Потом... да. Лёгкое, едва уловимое жужжание. Глубоко в груди. Не звук, а скорее вибрация. Постоянная, ровная, как гудение трансформатора под нагрузкой. Я никогда не замечала его раньше. Теперь, зная, что ищу, я его чувствовала. Оно было всегда. Просто фоновый шум моего нового тела.

Я открыла глаза. Ланс сидел на скале, спиной ко мне, но я знала – он наблюдает. Не прямо. Через отражение в воде, через поворот головы. Он всё контролировал.

– Эй! – крикнула я ему.

Он медленно обернулся.

– Что?

– Ты же записываешь. Всё, что происходит.

– Да.

– И ты отдашь этот отчёт... тем, в столице.

– Да.

Я сделала паузу, собираясь с мыслями.

– Тогда давай заключим сделку, – сказала я, и мой голос прозвучал твёрже, чем я ожидала.

Он приподнял бровь.

– У тебя уже есть сделка. Твоя жизнь в обмен на информацию.

– Нет, – я покачала головой. – Это была твоя сделка. Ты её навязал. А я предлагаю свою. Ты записываешь всё. Так записывай правильно.

– А что неправильно? – спросил он, и в его голосе снова послышался интерес.

– Ты пишешь «неконтролируемый выброс». «Эмоциональный триггер». Как будто это случайность. Как будто я – нестабильная бомба. А что, если это не так?

Он спрыгнул со скалы, легко и мягко, и подошёл ближе, остановившись на краю допустимого расстояния.

– Продолжай.

– Вчера, у ручья... я пыталась заземлиться. И получила обратную связь. Сегодня... я не пыталась ничего контроли-

ровать. Но разряд вышел направленным. Он нашёл самый лучший проводник. Самый уязвимый пункт. – Я встала, вытащив ноги из воды. – Это не хаос. Это... система. Со своими правилами. Я их не знаю. Но они есть. И если я их изучу... может, смогу это контролировать. Не подавлять. Контролировать.

Ланс смотрел на меня молча, его лицо было непроницаемым. Но в глазах – да, в этих серых глазах – мелькали искорки того же интеллектуального азарта.

– И что ты предлагаешь? – спросил он наконец.

– Ты помогаешь мне изучать. Не как тюремщик. Как... наблюдатель. Соавтор. Ты даёшь мне информацию о мире, о магии, о том, как тут всё устроено. А я... – я сделала глубокий вдох, – я даю тебе доступ к изучению этой «аномалии». Не в лаборатории. В полевых условиях. Ты будешь первым, кто всё поймёт. И твой отчёт... он будет самым полным. Ты получишь не просто оплату за доставку. Ты получишь славу первооткрывателя. Или что там ещё вам, охотникам, нужно.

Я говорила на удивление уверенно. Отчаяние рождало наглость. Но в моих словах была логика. Ему был выгоден живой, стабильный, понимающий объект изучения, а не истеричная диковинка, которая может взорваться в любой момент.

Ланс медленно кивнул, обдумывая.

– Рискованно, – сказал он. – Ты предлагаешь мне играть с молнией, пытаясь её приручить.

– Ты уже играешь, – парировала я. – Ты пристёгнут ко мне этой штукой. Ты в первых рядах, нравится тебе это или нет. Так давай хотя бы попробуем понять правила игры.

Он отвернулся, глядя на озеро. Его профиль был резким, задумчивым.

– Хорошо, – произнёс он наконец. – Новые условия. Испытательный срок. Ты пытаешься понять свои... способности. Я наблюдаю, записываю, даю базовую информацию. Но первая же опасная для меня или для посторонних выходка – и мы возвращаемся к старому договору. Жёстко и без разговоров. И ты делаешь всё, что я скажу, когда дело касается безопасности. Без споров.

– Без споров о безопасности, – уточнила я. – Во всём остальном – я имею право задавать вопросы.

Он повернулся ко мне, и в уголке его губ дрогнуло что-то, отдалённо напоминающее улыбку.

– Согласен. Но вопросы тоже могут быть опасны. Помни об этом.

Он протянул руку. Не для рукопожатия. Просто жест.

Я посмотрела на его ладонь, потом на своё запястье с браслетом. Потом кивнула.

– Согласна.

Сделка была заключена. Я перестала быть просто пленницей. Я стала... соучастником своего собственного плена. И это было лучше, чем быть просто грузом. Это был крошечный шаг к контролю. Пусть иллюзорный. Но шаг.

Ланс отсоединил браслет от корня.

– Тогда начнём с первого урока, – сказал он. – Ты чувствуешь эту... энергию сейчас?

Я закрыла глаза, прислушалась к тому жужжанию в груди.

– Да. Как фон. Как гудение.

– Хорошо, – сказал он. – Запомни это ощущение. Это – твоя норма. Всё, что выше – это уже выброс. Тебе нужно научиться чувствовать грань. И опускаться ниже этой грани, когда чувствуешь, что поднимаешься. Это называется «заземление». В прямом и переносном смысле.

К вечеру мы разожгли костёр – небольшой, почти бездымный, под прикрытием скалы. Ланс показал мне, как правильно сложить ветки, как использовать сухой мох для растопки. Его инструкции были краткими, точными, без лишних слов. Он был хорошим учителем, когда хотел им быть.

После ужина – той же похлёбки, но на этот раз с добавлением каких-то лесных кореньев – мы сидели у огня. Молчание уже не было гнетущим. Оно было... сосредоточенным. Я прислушивалась к себе, к тому жужжанию, пыталась представить, как эта энергия течёт где-то под кожей, как ток по проводам. Медленно, ровно.

– Расскажи о магии, – попросила я, нарушая тишину. – Как она тут работает? В этих светильниках, в твоих вспышках огня.

Ланс, сидевший напротив, дочищал свою миску куском хлеба. Он не ответил сразу.

– Это не сказки для детей, – предупредил он. – Это ремесло. Жёсткое, требующее знаний.

– Мне нужны знания, – сказала я. – Чтобы понимать контекст. Чтобы сравнивать.

Он вздохнул, отложил миску.

– Хорошо. Основа всего – эфир. Тонкая субстанция, пронизывающая всё. Она обладает свойствами... ну, как вода. Может течь, накапливаться, застаиваться. Маг – тот, кто может чувствовать эти потоки и направлять их. С помощью воли. И инструментов.

– Каких инструментов?

– Руны, – сказал он. – Это... каналы. Жёлобки, по которым эфир течёт в нужном направлении. Кристаллы – резервуары, где его можно накопить. Сплавы металлов – проводники или изоляторы. Всё подчиняется законам. Закону сохранения силы, закону резонанса, закону проводимости...

Он говорил, и я слушала, и внутри у меня всё замирало от изумления. Он описывал... электричество. Точнее, гидравлическую аналогию электричества! Эфир – это как электрический ток. Руны – это провода или печатные платы. Кристаллы – конденсаторы или батареи. Законы – те же самые!

– Это... инженерия! – вырвалось у меня. – Вы просто дали всему странные названия! Вы описываете электрическую цепь!

Ланс нахмурился.

– Электрическую? Что это?

– Моя... сила, – сказала я, выбирая слова. – То, что выходит из меня. У нас, в моих краях, мы её изучили. Назвали электричеством. И мы управляем ею с помощью почти таких же принципов. Проводники, изоляторы, сопротивление, напряжение... – я видела, как его лицо становится всё более недоуменным, и затормозила. – Слушай. Есть источник энергии. Есть путь, по которому она идёт. Есть потребитель, который её использует. Всё, что между – это управление. Так?

Он медленно кивнул.

– В общих чертах – да.

– Тогда моя сила... она просто другой вид энергии. Более... чистый. Более прямой. Не нужно эфира вокруг. Она генерируется внутри и может передаваться сразу, без посредников. Как... как молния в миниатюре.

Я говорила, и сама начинала верить в эту теорию. Это имело смысл. В мире, где магия – это управление внешними потоками эфира, я была аномалией – внутренним генератором.

Ланс смотрел на меня долго и пристально. Потом достал свой блокнот и начал быстро что-то записывать.

– «Гипотеза объекта: внутренний генератор принципиально иного вида энергии, не зависящий от внешнего эфира. Аналогии с неизвестной «электрической» наукой родного мира объекта», – пробормотал он себе под нос, записывая. Потом поднял глаза. – Твои «электрические» цепи... они могут быть опасны?

– Очень, – честно сказала я. – Если не знать правил. Можно убиться. Сгореть. Взорваться.

– Как и с эфиром, – заметил он. – Значит, правила, в основе, общие. Порядок. Контроль. Расчёт.

Наступила пауза. Огонь потрескивал. Где-то вдалеке ухал филин.

– Твой «ток»... – начал Ланс неожиданно. – Он сегодня вечером... спокойный. Тихо жужжит. Я почти не чувствую его через связь.

Я удивилась.

– Ты чувствуешь его?

– Через браслеты – да. Они ведь не просто ограничивают. Они... считывают. Передают данные о твоём состоянии в пару. Для баланса. Сейчас показания стабильные, низкие.

Значит, он не просто наблюдал. Он имел приборную панель. Я была для него открытой книгой, с графиками и цифрами.

Это было одновременно страшно и... обнадёживающе. Значит, контроль можно было измерить. Значит, были параметры.

– Я пытаюсь, – сказала я тихо. – Держать эту «грань».

Он кивнул, закрыл блокнот.

– Продолжай. Это хорошее начало. Для первого дня... сотрудничества.

Он произнёс это слово с лёгкой, едва уловимой иронией, но без прежней холодности. Возможно, это было просто про-

фессиональное удовлетворение от того, что опасный эксперимент пошёл по плану.

Но для меня это было больше. Это была первая кроха надежды. Не на спасение. На понимание. А понимание, как знал любой инженер, – первый шаг к управлению.

Я сидела у костра, слушала жужжание внутри себя и смотрела на звёзды, которых здесь было в два раза больше, и которые складывались в незнакомые созвездия. Я была в клетке. В чужом мире. С бомбой внутри. Но теперь у меня была... не союзник. Партнёр по несчастью. И общий интерес – разгадать загадку, которой я была.

Это было мало. Но это было что-то.

Я только начала дремать, сидя у костра, склонив голову на колени, как Ланс резко вскочил.

Его движение было настолько стремительным и тихим, что я вздрогнула и едва не опрокинулась. Он стоял, замерший, как каменный идол, его голова была слегка наклонена, уши, казалось, ловили звуки, недоступные мне.

– Что? – прошептала я.

Он поднёс палец к губам. Его лицо в свете костра было напряжённым, сосредоточенным. Потом он быстро, почти бесшумно, затоптал костёр ногами, засыпав его землёй и хвоей. Тьма сомкнулась вокруг, густая, почти осязаемая. Только свет двух лун – одна желтоватая, другая багровая – пробивался сквозь ветви.

Я сидела не шевелясь, затаив дыхание. И тогда услышала.

Не вой. Не рык. Топот копыт. Не быстрый, а размеренный, тяжёлый. И скрип колёс. По дороге. По той самой, от которой мы отошли на пару километров.

Ланс медленно, плавно присел рядом со мной, его рука легла мне на плечо – не для утешения, а чтобы зафиксировать на месте.

– Молчи, – его дыхание коснулось моего уха, горячее и быстрое. – И не шевелись.

Он достал что-то из-за пазухи – небольшой, тёмный камень. Сжал его в кулаке. Камень дал слабое, багровое свечение, осветив его лицо снизу зловещим светом. Он что-то прошептал, и свечение погасло. Магия. Маскировочная, должно быть.

Топот приближался. Не один конь. Два. Телега. Они ехали неспеша, но прямо к нашему старому лагерю у озера. И, судя по звукам, сворачивали с дороги в лес.

Ланс наклонился ещё ближе.

– Не наши, – прошептал он. – Не стража. Не гильдейские. Слишком шумно. И слишком поздно для обычных путников.

– Кто? – едва выдохнула я.

Он не ответил. Просто сжал моё плечо сильнее.

Мы сидели в полной темноте, затаившись в кустах под скалой. Я чувствовала, как бьётся его сердце где-то очень близко – или это моё стучало в висках? Топот и скрип стали громче. Потом остановились. Где-то в двухстах метрах, у

озера.

Послышались голоса. Грубые, хриплые. Незнакомые.

– ...здесь был костёр. Недавно.

– И запах... гари. Не просто костра. Что-то палили.

– Ищи следы. Он не мог уйти далеко с этой штукой на буксире.

«Штукой». Они говорили обо мне.

Я почувствовала, как Ланс медленно выдыхает. Его пальцы всё ещё впивались мне в плечо.

– Охотники, – прошептал он так тихо, что я скорее угадала по движению губ. – Вольные. Не из гильдий. Те, что слышат слухи и ищут лёгкой наживы.

Сердце у меня упало. Значит, слухи из деревни уже разошлись. И привлекли не только его.

– Что будем делать? – прошептала я.

– Ждать. Они почешутся вокруг озера, не найдут свежих следов – уйдут. Мы ушли по камням, я стёр следы у воды.

Он был спокоен. Но я чувствовала напряжение в его теле. Он не боялся их. Он боялся меня. Что я запаникую. Что дам разряд.

Я закрыла глаза, сосредоточившись на том жужжании внутри. Держать грань. Держать грань. Не подниматься. «Заземляться».

Снаружи послышались шаги. Кто-то бродил недалеко от наших кустов. Факел вспыхнул, осветив стволы деревьев.

– Эй, смотри! – крикнул один. – Кого-то тут разорвало!

Крапника!

Они нашли тело твари. Значит, найдут и следы борьбы. И оплавленный камень.

– Чёрт, – выругался Ланс почти беззвучно. Его рука потянулась к эфесу меча.

Шаги приблизились. Факел метнул длинные, пляшущие тени прямо над нашими головами. Я вжалась в землю, чувствуя, как поднимается знакомое покалывание в кончиках пальцев. Нет. Нет. Не сейчас.

Ланс почувствовал это. Он резко развернулся ко мне, его лицо в лунном свете было искажено не страхом, а яростным приказом. Он сунул свою свободную руку мне в рот, зажав ладонью, чтобы я не вскрикнула. Его пальцы пахли дымом, кожей и металлом.

– Тише, – прошипел он прямо мне в лицо. Его глаза в полумраке горели. – Опускай энергию. Сейчас. Или мы оба умрём.

Я зажмурилась, пытаюсь представить, как та «гроза» внутри утихает, как энергия стекает вниз, в землю, через ступни. Я сосредоточилась на холоде земли подо мной, на сырости мха. Жужжание пошло на спад. Покалывание утихло.

Человек с факелом прошёл в паре метров, даже не глядя в нашу сторону. Его спутник окликнул его, и он ушёл назад, к озеру.

Мы просидели так ещё долго, пока звуки не затихли, пока топот копыт и скрип телеги не растворились в ночи, удаляясь

по дороге.

Только тогда Ланс убрал руку от моего рта. Я отдышалась, чувствуя, как дрожу мелкой, нервной дрожью.

Он отполз от меня, сел, прислонившись к скале, и провёл рукой по лицу.

– Они поехали дальше по дороге, – сказал он хрипло. – Думают, мы впереди. Но теперь они знают, что мы здесь. И что с нами не всё чисто.

Он посмотрел на меня. В его взгляде не было упрёка. Была усталая констатация факта.

– Нам нужно уходить. Сейчас. Глубже в лес. И менять маршрут. – Он встал, отряхиваясь. – И тебе, объект, нужно научиться контролировать свою «грозу» быстрее. Следующая встреча может закончиться не так удачно.

Он говорил «объект», но теперь в этом слове не было прежней холодной отстранённости. Было что-то другое. Почти... товарищеское раздражение. Мы были в одной лодке. И лодку начало качать.

Я встала, всё ещё дрожа. Но внутри, под страхом, шевелилось что-то твёрдое. Решимость. Они охотятся за мной. Значит, я – ценность. Значит, у меня есть что-то, что стоит того, чтобы за это бороться. Даже если это что-то – опасность внутри меня.

– Я научусь, – сказала я твёрдо, глядя на него в темноте.

Он кивнул, коротко, деловито.

– Надеюсь. Ради нас обоих. Собирайся. Начинается насто-

ящая охота. И мы в ней – не охотники.

ГЛАВА 5. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Утро мы встретили в глубоком овраге, заваленном буреломом. Спать не пришлось. Мы шли всю оставшуюся ночь, петляя по каменистым руслам пересохших ручьёв, чтобы не оставлять следов. Я шагала автоматически, ноги были ватными, веки слипались. Но страх и адреналин держали сознание на острие бритвы.

Ланс разрешил короткий привал на рассвете, когда стало ясно, что погони нет. Он не разводил костёр. Мы сидели на сырых камнях, жевали вяленое мясо и запивали водой из бурдюка. Влажный, холодный воздух пробирал до костей.

– Расскажи о рунах, – попросила я, чтобы отвлечься от дрожи и усталости. – Как они именно работают? Ты говорил, это каналы.

Ланс, сидевший напротив и доедавший свою порцию, бросил на меня усталый, оценивающий взгляд.

– Тебе это зачем? Чтобы сравнить со своим «электричеством»?

– Да, – кивнула я. – Чтобы понять разницу. Или сходство. Он вздохнул, отложил еду, достал из котомки небольшой плоский камень – сланцевую плитку. Потом вынул короткий стальной стил с остро заточенным концом.

– Руна – это не просто рисунок, – начал он, положив камень на колено. – Это путь с определёнными свойствами.

Ширина, глубина, угол изгиба – всё имеет значение. – Он провёл стило по камню с лёгким скрипом. Линия получилась ровной, неглубокой. – Это базовый канал. По нему эфир потечёт просто, как вода по желобу.

Я придвинулась ближе, разглядывая. Это напоминало травление печатной платы. Только вместо кислоты – магия воли?

– А как ты заставляешь эфир течь именно туда?

– Не заставляю, – поправил он. – Направляю. Воля – это как... давление в начале желоба. Я создаю точку входа, сгущаю эфир вокруг себя и... толкаю его в начало руны. Дальше геометрия сама ведёт поток.

Он провёл ещё несколько линий, соединив их под разными углами, создав простой узор в виде трёх пересекающихся треугольников.

– Это руна «Клин». Усиливает направленность, фокусирует поток в точку. Если направить в неё энергию тепла... – Он положил палец на начало узора, закрыл глаза. На его лице на мгновение отразилось сосредоточение. Воздух над камнем затрепетал, заколебался. И тонкая струйка горячего воздуха, почти невидимая, бьющая, как из фена, ударила мне в лицо. Я отшатнулась.

– Видишь? – спросил он, открыв глаза. Руна на камне слабо светилась оранжевым светом, который быстро угас. – Без руны я мог бы просто нагреть воздух вокруг пальца. С руной – направляю тепло в луч. Эффективнее. Дальше.

Я смотрела на потухший узор, а в голове складывались аналогии. Руна – это волновод. Или линза. Фокусирующий элемент. Воля оператора – источник питания. Эфир – передаваемая среда.

– А кристаллы? – спросила я.

– Аккумуляторы, – сказал он. – Или стабилизаторы. Некоторые породы умеют накапливать эфир и отдавать его медленно, ровно. Или преобразовывать один вид энергии в другой. Свет в тепло. Тепло в кинетическую силу. – Он постучал стилем по камню. – Всё это требует расчёта. Точного. Иначе поток пойдёт не туда, кристалл лопнет от перегрузки, руна исказится...

– И будет короткое замыкание, – закончила я за него.

Он нахмурился.

– Что?

– У нас это называется «короткое замыкание». Когда энергия находит путь короче, чем тот, что для неё приготовили. Идёт по пути наименьшего сопротивления. Ломает всё на своём пути.

Ланс замер, стилем застыло в его пальцах. Он смотрел на меня так, будто я только что произнесла величайшую истину мира.

– Путь наименьшего сопротивления, – медленно повторил он. – Да. Именно так и происходит при сбое. Эфир ищет лазейку. Прожигает её. Это и есть причина большинства аварий.

– Значит, принципы действительно общие, – сказала я, чувствуя прилив странного, почти научного воодушевления. – У вас – эфирная динамика. У нас – электродинамика. Но законы движения энергии... они похожи.

Я схватила с земли подходящую палку и на сырой земле у его ног начала быстро чертить. Не руны. Схему. Простейшую цепь: источник (батарейка), проводник (линия), нагрузка (лампочка).

– Смотри. Вот источник энергии. Вот путь, по которому она идёт. Вот – то, что её потребляет. Если путь нарушен – обрыв – энергия не идёт. Если путь слишком лёгкий, слишком короткий – вот тут, – я ткнула палкой в место «замыкания», – то энергия пойдёт туда, сожжёт всё, источник может взорваться. Чтобы этого не было, мы ставим сюда предохранитель. Или рассчитываем сопротивление.

Я говорила быстро, увлечённо, забыв на миг, кто я и где. Я видела, как он смотрит то на мои каракули, то на моё лицо. В его глазах было не просто недоумение. Было глубокое, заинтересованное потрясение. Он видел не бред сумасшедшей. Он видел другую, целостную, логичную систему.

– Сопротивление, – произнёс он, пробуя слово. – Это... свойство материала не пропускать эфир?

– Да! – почти выкрикнула я. – Одни материалы пропускают хорошо – проводники. Другие плохо – изоляторы. Всё дело в... в строении. В том, как устроены мельчайшие частицы.

Он молчал долго. Потом медленно выдохнул.

– Твои края... они должны быть очень странными. Если там всем этим управляют без эфира, без рун... просто с помощью «сопротивления» и «проводников».

– Не просто, – поправила я. – С помощью расчётов. Формул. Законов. Как у вас. Только... более прямых. Без посредников в виде эфира.

Ланс откинулся на камень, глядя на небо, где тускло светило красное солнце.

– И твоя сила... твой «ток»... он подчиняется твоим законам?

Я задумалась.

– Должен. Я просто не знаю, каким именно. Но он нашёл путь через кварц. Значит, проводимость есть. И разряд был направленным, значит, есть вектор... напряжение. – Я умолкла, понимая, что говорю сама с собой. – Мне нужны эксперименты. Контролируемые.

Он посмотрел на меня, и в его глазах снова вспыхнул тот самый аналитический огонёк.

– Эксперименты в поле – плохая идея. Но... базовые наблюдения можно продолжить. При условии полного спокойствия с твоей стороны.

– Я буду спокойна, – пообещала я, и впервые за много дней это обещание было не пустыми словами, а осознанным решением. Понимание рождало контроль. Пусть иллюзорный, но контроль.

Он кивнул, поднялся.

– Ладно, физик. Пора двигаться. Теорию обсудим в пути. Практика... её отложим до более безопасного места.

Мы двигались весь день, выдерживая сумасшедший, выматывающий темп. Ланс, казалось, знал эти леса наизусть. Он вёл нас по таким тропам, где не ступала нога человека – по каменным гребням, по узким карнизам над ручьями, через бурелом, где приходилось продирааться, как через стену. Он не просто уходил от возможной погони. Он запутывал следы так, словно мы были призраками.

Я едва поспевала, спотыкаясь о корни и хватаясь за ветки. Физическая усталость была колоссальной, но ум работал без остановки. Я перебирала в голове аналогии, сравнивала. Мы остановились на короткий привал у небольшого родника, и пока я пила, Ланс достал свой световой жезл – металлическую трубку длиной с предплечье, покрытую сложной гравировкой. Он щёлкнул чем-то на торце, и с тусклым, недовольным шипением жезл выдал слабый, мигающий желтоватый свет.

Ланс хмуро потряс им, постучал ладонью. Свет ненадолго вспыхнул ярче, потом снова начал мерцать и потух с тихим, печальным потрескиванием.

– Чёрт, – выругался он с искренним раздражением. – Опять. Кристалл треснул. Или контакты окислились.

– Дай сюда, – сказала я, почти не думая.

Он поднял на меня удивлённый взгляд.

– Что?

– Дай. Посмотрю.

Он колебался секунду, потом, с выражением «чем чёрт не шутит», протянул мне жезл. Я взяла его. Металл был тёплым от его руки. Я повертела трубку, осмотрела торцы. С одного конца было матовое стекло или кристалл, с другого – металлическая заглушка с едва заметным швом. Я потрясла жезл ухом. Внутри что-то слабо позвякивало.

– Ты говорил, там кристалл. Он на резьбе? Или припаян? Ланс смотрел на меня, как на сумасшедшую.

– Кристалл в оправе. Оправа на резьбе вкручена в корпус. Но тебе туда не попасть без ключа. И без знаний...

Я его уже не слушала. Мой взгляд упал на тонкую, почти невидимую линию на корпусе, идущую вдоль всей трубки. Не украшение. Стык. Значит, корпус состоял из двух половинок. Я нащупала пальцами, нашла крошечные углубления-защёлки. Сложный механизм, но всё же механизм.

– Нужна отвёртка, – пробормотала я. – Или что-то тонкое и прочное.

Ланс, качая головой, достал из ножен на поясе тонкий кинжал – не боевой, а инструментальный, с узким лезвием и костяной рукоятью. Подал мне.

– Только не сломай. Он дорогой.

Я вставила кончик лезвия в щель и, нащупав сопротивление, надавила. Защёлка с тихим щелчком поддалась. Я провела лезвием по всему шву, отпуская защёлки одну за дру-

гой. Ланс наблюдал, его лицо выражало смесь скепсиса и живого любопытства.

Вторая половинка корпуса отъехала. Внутри, в аккуратных медных гнёздах, лежали крошечные детали: спираль из какого-то светлого металла, несколько мелких кристалликов в оправках, и главный кристалл – размером с ноготь, мутный, с тёмной паутиной трещин посередине. Всё было покрыто тонким слоем сероватого налёта. Окислы. Плохой контакт.

Я, не касаясь кристаллов, тыкнула кончиком кинжала в спираль, проверяя крепление. Одно из креплений действительно болталось. И сам главный кристалл в оправе сидел неплотно.

– Вот, – сказала я. – Люфт. И окислы. Контакт теряется, искрит, кристалл перегревается и трескается. Надо почистить и подтянуть.

Ланс молчал. Он смотрел то на разобранный жезл в моих руках, то на моё лицо. Его выражение было priceless. Как будто он видел, как обезьяна собрала часовой механизм.

– Ты... как ты узнала? – спросил он наконец.

– Логика, – пожалала я плечами. – Если свет мигает и трещит – плохой контакт. Если греется и тухнет – перегрузка или перегрев. А раз у вас тут всё на энергии работает... значит, цепь. Простая цепь.

Я аккуратно, краем рукава, протёрла контакты, подтянула открутившуюся спиральку, поправила кристалл в оправе, чтобы он плотнее прилегал. Потом собрала корпус обратно,

защёлкнув половинки. Звук был чётким, уверенным.

– Держи, – протянула я ему жезл.

Он взял его, не сводя с меня глаз. Потом медленно нажал на выключатель.

Жезл вспыхнул. Не мигая. Не треща. Ровным, ярким, холодным белым светом, который осветил его удивлённое лицо и окружающие деревья чёткими тенями. Он был ярче, чем когда-либо.

Ланс смотрел на жезл, потом на меня, потом снова на жезл.

– Ты... починила его, – произнёс он голосом, полным абсолютного непонимания мира. – Без ключа. Без рун очищения. Без замены кристалла. Ты просто... почистила.

– Ну да, – сказала я, чувствуя глупую гордость. – Контакты окислились. Я их почистила. И подтянула крепление. Теперь сопротивление меньше, КПД выше. Должен светить ярче и дольше.

Он выключил жезл, включил снова. Свет был стабильным. Он потряс его – ничего не изменилось.

– «Сопротивление меньше», – повторил он мои слова, как заклинание. Потом резко поднял на меня взгляд. – Варя. Ты понимаешь, что ты только что сделала? Ты... оптимизировала магический артефакт. Без магии. С помощью... твоей «логики».

Я наконец осознала, что натворила. В мире, где подобные вещи чинили специальные мастера, с ритуалами и знаниями,

я, дикарка, сделала это за две минуты голыми руками.

– Ой, – сказала я глупо. – То есть... это плохо?

Он вдруг рассмеялся. Коротко, сухо, беззвучно. Но это был смех.

– Плохо? Это чертовски опасно. Если об этом узнают...

– Он покачал головой. – Ладно. Никому ни слова. Никогда. Поняла? Даже если увидишь сломанную колесницу императора – молчи. Иди мимо.

– Поняла, – быстро сказала я, но внутри всё ликовало. Я что-то могу. Даже здесь. Мои знания что-то стоят. Пусть это знание – как починить фонарик.

Ланс ещё раз посмотрел на жезл, потом аккуратно убрал его в котомку. Когда он поднял на меня глаза, в них было что-то новое. Не просто интерес к аномалии. Уважение. Микроскопическое, осторожное, но уважение.

– Идём, инженер, – сказал он, и в его голосе прозвучала та же сухая усмешка. – Пока ты не начала «оптимизировать» мои сапоги.

На этот раз Ланс разрешил развести крошечный, скрытый костёр в глубине пещеры – небольшого грота, найденного им под нависающей скалой. Огонь был больше для света, чем для тепла, и жезл, теперь работающий идеально, был потушен для экономии заряда. Мы сидели друг напротив друга, разделённые пламенем. После дневного перехода и истории с жезлом атмосфера между нами снова изменилась. Она стала... почти рабочей.

– Так о чём ты думала, когда чинила? – спросил Ланс, протягивая мне свою флягу с чем-то крепким и пахучим – не водой, а лёгким вином или брагой. Я сделала глоток, и огонь прошёлся по горлу.

– О схеме, – честно ответила я. – Представляла путь тока... то есть, эфира. От источника – видимо, кристалла-аккумулятора внутри – через спираль-регулятор, к излучающему кристаллу. Плохой контакт – это повышенное сопротивление. Значит, энергия тратится впустую, греет детали, а не идёт на свет.

– «Сопротивление», – снова произнёс он это слово, как будто пробуя его на вкус. – У нас есть понятие «вязкость эфирного потока». Похоже.

– Наверное, – согласилась я. – Просто сформулировано по-другому. У вас – свойства среды. У нас – свойства материала. – Я помолчала, глядя на огонь. – Ты с детства этому учился? Магии?

Ланс откинулся на свой свёрток, его лицо в потрескивающем свете костра казалось менее строгим.

– С детства. Но не магии в целом. Специализация. Семья... служила. Охранный контракт с одной из гильдий. Меня готовили в следопыты, в охотников за нарушениями. Учили чувствовать потоки, искать искажения, аномалии. Потом... стал свободным агентом. Выполнять конкретные заказы проще. И деньги лучше.

– Нарушения? Аномалии? – переспросила я.

– Да. Всё, что выбивается из нормы. Нестабильные порталы, вышедшие из-под контроля элементарии, артефакты с глюками... или люди с необычными способностями. – Он бросил на меня быстрый взгляд. – Работа рутинная. Чаще – скучная. Но стабильная.

– А тебе не было... страшно? Охотиться на такое?

Он пожал плечами.

– Страх – плохой помощник. Мешает думать. Я научился его отключать. Видеть задачу, а не угрозу. Оценивать риск, действовать по протоколу.

Он говорил о себе так, будто описывал работу станка. Без эмоций. Это было пугающе. Но в то же время... понятно. В его мире это была просто профессия.

– А у тебя? – спросил он вдруг. – Твои «края». Там все такие? Мыслишь схемами, чинишь сломанное голыми руками?

Я потянулась к огню, протянув к нему онемевшие пальцы.

– Нет. Не все. Мой отец... он был электриком. Мастером. Он меня учил. Говорил, что главное – понимать, как что устроено. А если понимаешь – можешь и починить, и усовершенствовать. Я хотела пойти дальше, учиться проектировать системы, большие сети... но не успела.

«Не успела» – прозвучало как эпитафия. Всей моей прошлой жизни.

– Проектировать, – повторил Ланс. – Создавать новое на основе законов.

– Да.

– Здесь тоже есть такие. Их называют теоретиками. Или еретиками, если их идеи слишком... радикальны. – Он ухмыльнулся в огонь. – Меня бы, наверное, назвали еретиком, если бы я начал рассказывать про «сопротивление» и «короткие замыкания».

– А ты расскажешь? – спросила я. – В своём отчёте?

Он посмотрел на меня через пламя. Его глаза отражали огонь, делая их почти золотыми.

– Часть – да. Ту, что касается тебя. Остальное... посмотрим. Знания – тоже товар. Или оружие. Надо знать, кому и что продавать.

Это было честно. Цинично, но честно. Он не был бескорыстным исследователем. Он был прагматиком. И в данный момент наши интересы совпадали.

– Спасибо, – неожиданно для себя сказала я.

– За что?

– За то, что не сдал меня тем охотникам. И за то, что... объясняешь. Даже если это часть сделки.

Он молчал, перебирая в руках щепку.

– Ты – самый сложный контракт в моей жизни, – сказал он наконец. – И самый интересный. Пока что. Так что спасибо говори, когда доведу тещу живой и невредимой до Канделара. А там... там посмотрим, что из этого выйдет.

Он встал, потянулся, кости хрустнули.

– Ладно, спать. Завтра нам предстоит пересечь Холодный

брод. И если твоя теория верна, тебе стоит подготовиться. Там эфирные потоки дикие, нестабильные. Кто знает, как отреагирует твоя «личная гроза».

Он лёг, повернувшись спиной к огню. Я ещё немного посидела, глядя на его неподвижную спину, на тусклый свет браслета на его запястье. Он был моим тюремщиком, конвоиром, потенциальным предателем. Но сейчас он был ещё и... коллегой по несчастью. И это было лучше, чем быть со всем одной.

Я прилегла, укрывшись своим дырявым плащом, и закрыла глаза, прислушиваясь к ровному жужжанию внутри. «Личная гроза». Интересно, что она будет делать на «диких потоках»?

Проснулась от того, что меня трясли. Не сильно. Тихо, но настойчиво. Я открыла глаза и увидела Ланса, склонившегося надо мной. Его лицо было бледным в лунном свете, пробивавшемся в узкое жерло пещеры. Он приложил палец к губам.

– Тише, – его шёпот был едва слышен. – Не двигайся.

Он отполз от меня, прижавшись к стене пещеры у самого входа. Я медленно, стараясь не шуршать, поднялась на локти. Снаружи доносились звуки. Не топот. Не голоса. Что-то другое. Шуршание. Множественное, сухое, как будто по камням ползёт гигантская гусеница, сотканная из щепок и листьев. И запах. Сладковатый, гнилостный, знакомый. Я уже чувствовала его раньше.

Ланс жестом показал мне залечь обратно, сам же, пригнувшись, выглянул наружу. Я видела, как напряглись мышцы его спины.

Шуршание стало громче. Теперь я различала отдельные «шаги» – мягкие шлепки чего-то влажного по камням, сухой шелест. И ещё – тихое, похожее на стон бормотание. Нечленораздельное, полное голода.

Я знала, что это. Не крапник. Что-то хуже. Лесная нежить, порождённая гниющими эфирными потоками. Ланс вскользь упоминал о таких. «Болотные тени», «шептуны». Они были слабы по отдельности, но опасны стаей. И их привлекали следы сильной энергии. Как мои.

Мой браслет на запястье начал слабо теплеть. Он чувствовал моё напряжение. Я закрыла глаза, пытаюсь заглушить панику. Заземлиться. Дышать. Спокойно. Но этот запах, этот шелест... они подбирались прямо к пещере.

Ланс медленно вытащил меч. Не для атаки. Он начал что-то чертить кончиком клинка на камне у входа. Быстро, почти не глядя. Простые линии, углы. Он создавал руну. Защитную. Я видела, как по нацарапанным линиям пробежала тусклая, синеватая искра – его собственная энергия, влитая в камень.

Шепот снаружи усилился. Они почуяли нас. Или почуяли магию, которую он использовал.

Один из «шептунов» показался в проёме. Это было бесформенное сгущение тени и гниющих растительных остат-

ков, с двумя тускло светящимися точками вместо глаз. Оно поползло внутрь.

Руна на камне вспыхнула ярко-синим. Раздался звук, похожий на удар хлыста. Тварь отшатнулась с тихим визгом, и часть её «тела», коснувшаяся сияющего барьера, обратилась в чёрный пепел.

Но снаружи зашевелились другие. Их было много. Синий барьер руны дрожал под их напором. Ланс, стоя на коленях, упирался руками в камень, лицо его было искажено усилием. Он подпитывал руну, но это истощало его.

– Не могу долго, – прошипел он сквозь зубы. – Их слишком много. Нужен свет. Яркий, чистый свет – он их разгоняет.

Свет. Жезл лежал в его котомке, в двух шагах от меня. Но чтобы достать его, нужно было встать, подойти. Или...

Я посмотрела на свои руки. На браслет. «Чистый свет». Моя энергия была именно такой – чистой, почти без спектральных примесей. Как разряд, но... может, можно иначе? Не убивать. Ослеплять.

– Ланс, – прошептала я. – Дай команду. Что делать?

Он обернулся, его взгляд был диким от напряжения.

– Что?

– Я могу... попробовать дать свет. Не разряд. Просто свет. Но я не знаю как. Ты должен сказать, что делать.

Он мгновенно понял. Его глаза метнулись к моим рукам, потом к тварям за барьером.

– Концентрируйся на желании... света! Яркого, слепящего! Не на уничтожении! На... на создании! Представь шар света у себя в ладонях! Фокусируй энергию, но не выпускай её! Держи!

Это была авантюра. Безумная. Но выбора не было.

Я отползла вглубь пещеры, подальше от входа, села на корточки, упёршись спиной в стену. Закрывает глаза. Отсекла страх, отсекала шелест и запах. Внутри – только жужжание. «Гроза». Я представила её не как бурю, а как... электростанцию. Турбину, вырабатывающую ровный, мощный ток. А потом – лампу. Просто лампочку. Лампочку в моих руках. Я представляла, как ток идёт не на удар, а на нить накала. Как она раскаляется. Как рождается свет. Яркий, белый, чистый.

Я почувствовала, как энергия внутри меня откликнулась. Не порывом ярости, а послушным, управляемым потоком. Она потекла вниз, к рукам. Мои ладони стали горячими. Очень горячими. Сквозь закрытые веки я увидела яркое розовое свечение.

– Сейчас! – крикнул Ланс. – Вход!

Я открыла глаза и вскинула руки. Я не «выстрелила». Я просто... выпустила.

Из моих ладоней, сложенных чашей, вырвался не разряд, а сгусток чистого, слепящего белого света. Он был небольшим, размером с футбольный мяч, но невероятно ярким. Он завис в воздухе на секунду, осветив пещеру, как полуденное солнце, отбрасывая чёрные, чёткие тени. Потом рванул к вы-

ходу, к барьеру.

Световой шар не сжёг барьер. Он прошёл сквозь него, как сквозь воду. И ударил в толпу «шептунов», копошащихся снаружи.

Раздался не взрыв, а оглушительный, всепоглощающий хлопок тишины. Свет поглотил все звуки. Твари не взвыли. Они просто... растворились. Их тенеподобные тела не выдержали такой концентрации чистой энергии и рассеялись, как дым на ветру. Запах гнили сменился резким запахом озона и палёного воздуха.

Свет погас. Наступила темнота, ещё более густая после ослепительной вспышки. В ушах звенело.

Я сидела, опустив руки, тяжело дыша. Ладони горели, будто я держала раскалённые угли. Перед глазами плясали зелёные пятна. Но внутри... внутри было странное, пустое спокойствие. Я это сделала. Не случайно. Не в панике. По команде. Почти.

Ланс стоял у входа, опираясь на меч. Он смотрел на очищенную площадку перед пещерой, где валялись лишь кучки пепла и обгоревших веток. Потом медленно повернулся ко мне.

Его лицо в потускневшем свете браслетов было нечитаемым. Шок? Да. Но и что-то ещё. Что-то вроде... триумфа.

– Направленное свечение, – произнёс он хрипло. – Без теплового компонента. Чистая световая энергия. – Он сделал шаг ко мне. – Ты... ты сфокусировала его. По своей воле.

– Ты сказал, как, – выдохнула я.

– Я сказал. Но сделала ты. – Он подошёл, присел передо мной на корточки. Его глаза в темноте блестели. – Как ты себя чувствуешь?

– Горячо. В руках. И... пусто. Как будто батарейку посадила.

– Естественно. Ты потратила запас. Он восстановится. – Он взял мою руку, осторожно, только кончиками пальцев, прикоснулся к ладони. – Ожогов нет. Только тепло. Значит, энергия вышла чистой, без побочных термических эффектов. Невероятно.

Он отпустил мою руку, сел рядом, прислонившись к стене.

– Значит, контролировать можно, – сказал он больше для себя. – Не только подавлять. Направлять. Менять форму выхода. – Он посмотрел на меня. – Ты только что совершила то, на что у магов Гильдии Света уходят годы тренировок. Только у них для этого нужны линзы, кристаллы, сложные руны... а у тебя – только твоя воля и твоё... понимание.

Я смотрела на свои ладони. Они всё ещё излучали лёгкое тепло.

– Значит, я могу научиться? По-настоящему?

Он долго молчал.

– Да, – сказал он наконец. – Думаю, можешь. И это... меняет всё. – Его голос стал серьёзным, почти суровым. – Это делает тебя не просто аномалией. Это делает тебя... уникальным ресурсом. Очень, очень опасным. И очень, очень

ценным.

Он встал, отряхнулся.

– Спокойной ночи больше не будет. Собирайся. Мы уходим сейчас. Пока эхо этой вспышки не привлекло кого-нибудь похуже «шептунов».

Я поднялась, всё ещё чувствуя слабость в ногах. Но внутри, под усталостью и страхом, горела маленькая, упрямая искра. Не гроза. Искра понимания. Я могу. И это было самым страшным и самым прекрасным открытием за все дни моего плена.

Мы снова шли в ночи. На этот раз Ланс не скрывал следов. Он вёл нас быстрым, почти беговым шагом, держась подальше от открытых мест, но не стремясь к абсолютной скрытности. Он торопился увести меня как можно дальше от места, где я устроила световой взрыв.

Я едва поспевала, спотыкаясь в темноте. Слабость после выброса не проходила, а только нарастала. Это было похоже на сильнейшее похмелье: ломота в мышцах, туман в голове, тошнота. «Заряд садится», – с мрачной иронией подумала я.

– Держись, – бросил Ланс через плечо, не замедляя шага.
– Нужно отойти хотя бы на пять миль.

– Не могу... – выдохнула я, споткнувшись о корень и едва удержавшись на ногах. – Ноги не слушаются.

Он остановился, обернулся. В бледном свете лун его лицо было напряжённым.

– Ты должна. Если нас найдут сейчас, в твоём состоянии,

мы не отобьёмся. Ты – бесполезна как оружие, а я один не справлюсь с серьёзным отрядом.

Он был прав. Я была обузой. Снова. Только что я была уникальным ресурсом, а теперь – разряженной батареей.

– Тогда... оставь меня, – выпалила я, сама не веря своим словам. – Спрячь где-нибудь. Сам уходи. Вернёшься, когда они прочешут район.

Он посмотрел на меня так, будто я предложила отрезать себе руку.

– Оставить тебя? С твоим энергетическим следом? Даже в полубессознательном состоянии ты светишься, как маяк, для любого, у кого есть детектор. Они найдут тебя за час. И заберут. И всё, что я делал до сих пор, всё, что мы... – он запнулся, – ...всё, что мы выяснили, пойдёт к ним. К вольным охотникам. Или к чему похуже.

– Но я тяну тебя на дно! – прошипела я, и в голосе прозвучали слёзы злости и бессилия. – Ты же сам говорил – работа, оплата! Какая теперь оплата, если мы оба сгинем здесь из-за меня?

Он шагнул ко мне, схватил за плечи. Его пальцы впились в мои кости почти болезненно.

– Слушай внимательно, – его голос был низким, резким, полным железной воли. – Ты перестала быть просто контрактом. Ты стала... проектом. Моим проектом. И я не бросаю проекты на полпути. Особенно когда они начинают давать такие интересные результаты. Поняла?

Я смотрела ему в глаза, широко раскрыв свои. В них не было лжи. Была холодная, неумолимая целеустремлённость учёного, который наконец-то нашёл ключ к самой важной загадке своей жизни. Для него я была не человеком. Я была открытием. И он был готов защищать своё открытие даже ценой собственной жизни. Не из жалости. Из профессиональной гордости и алчности первооткрывателя.

– Поняла, – прошептала я.

– Хорошо. Тогда слушай дальше. У нас есть два варианта. Первый – продолжать бежать, надеясь на удачу. Шансы – низкие. Твой след, даже приглушённый браслетами, сейчас ярк из-за недавнего выброса. Второй...

Он замолчал, отпустил мои плечи, отошёл на шаг, глядя в сторону, откуда мы пришли.

– Второй – сделать то, чего они не ждут. Не бежать. Спрятаться на самом виду. В деревне.

– В деревне? – ахнула я. – Но там же...

– Там люди. Шум. Много разных энергетических следов. Твой может затеряться. И охотники будут искать в лесу, а не среди изб. Это риск. Большой риск. Но он даёт нам время. Время, чтобы ты пришла в себя. Чтобы твой след угас.

– А если нас узнают?

– Деревня впереди – Нежданная. Она на перекрёстке. Там полно чужаков. Мы с тобой не выделемся. Если будем вести себя правильно.

Он смотрел на меня, ожидая решения. Он давал мне вы-

бор. Впервые.

Я думала. Бежать в лесу, будучи беспомощной, – это почти гарантированная поимка. Спрятаться в деревне... это как спрятаться в пасти льва. Но иногда самое опасное место – самое безопасное.

– В деревню, – сказала я. – Но как мы войдём? Мы же...

Он достал из котомки свёрток, развернул его. Там лежала простая, но чистая одежда: холщовая рубаша и юбка для меня, такая же рубаша и штаны для него. Две потрёпанные, но приличные дорожные накидки.

– Я всегда готовлю запасные варианты, – сказал он с короткой, ничего не значащей улыбкой. – Меняемся. Ты – моя младшая сестра, мы направляемся к родственникам в город. Ты приболела с дороги, поэтому я поддерживаю тебя. Ты молчишь, киваешь. Всё остальное – на мне.

Он отвернулся, давая мне переодеться. Я, дрожащими руками, сбросила свои лохмотья и надела чистую, грубую, но удивительно приятную на ощупь ткань. Платье было немного велико, но это только добавляло правдоподобия. Ланс тоже быстро сменил свой походный костюм на одежду простолюдина.

Потом он взял горсть земли и, извинившись взглядом, слегка испачкал мне лицо и руки, смахнул с меня большую часть лесного мусора.

– Теперь, – сказал он, оценивая меня взглядом. – Запомни: ты Лейна. Я – твой брат Карн. Мы из-под Вельска. Идём

в Канделар к дяде-каменотёсу. Ты простужена, голова болит, почти не говоришь. Всё.

Я кивнула. Роль была простой.

Он отсоединил браслеты друг от друга, но не снял их. Вместо этого он достал из котомки два широких кожаных обшлага для запястий и натянул их поверх браслетов. Теперь они выглядели просто как странноватые украшения или защита от трения тетивы.

– Придётся идти рядом, – сказал он. – Чтобы не привлекать внимания к обшлагам. Держись за мою руку, если будет тяжело. Для всех вокруг ты просто слабая сестра.

Он протянул руку. Я посмотрела на его ладонь, потом на его лицо. Оно было снова спокойным, уверенным, маской простого парня, ведущего сестрёнку. Мастер перевоплощения.

Я взяла его руку. Его пальцы были тёплыми и твёрдыми.

– Пошли, Лейна, – сказал он тихо, и в его голосе появились нотки деревенского говора, которого раньше не было. – Сложите придём, обогреемся.

Мы вышли из леса на дорогу. Впереди, в долине, тускло светились огни деревни Нежданной. Десяток-другой окон. Приют. Или ловушка.

Я шагнула вперёд, держась за его руку, и попыталась вжиться в роль слабой, больной девушки. Было не сложно. Я и была слабой. Но теперь у меня была цель. Дойти. Пережить ночь. И утром... утром посмотрим. Впервые за много дней

у нас был не просто путь. У нас был план.

ГЛАВА 6. НАРУШЕНИЕ КОНТУРА

Костёр, у которого мы только что говорили, был мёртв. Ланс затоптал его пяткой ещё до того, как первый луч красного солнца коснулся вершин сосен. Его лицо в предрассветной синеве было жёстким, как обсидиан.

– Двигайся, – его голос звучал не как приглашение, а как констатация факта. Он уже натянул котомку, и браслет на его запястье коротко дёрнул мою руку к себе. Связь. Всего метр. Достаточно, чтобы чувствовать каждый его резкий поворот, каждый ускоренный шаг.

Мы не шли по дороге. Мы бежали от неё. Ланс вёл нас по руслу давно высохшего ручья, где камни, обкатанные водой, предательски скользили под ногами. Я спотыкалась, хваталась за стволы молодых ольх, но он не сбавлял темпа. Его спина, прямая и напряжённая, говорила сама за себя: позади нас что-то есть. Что-то, от чего нельзя отмахнуться, как от болотных шептунов.

– Ланс, что...

– Молчи и беги, – отрезал он, не оборачиваясь. – Они нашли наш след у пещеры. По горячим углям, по энергетическому шлейфу от твоего фейерверка. Двое. Вольные охотники. Те самые, с черепом и молнией на плащах.

Сердце ёкнуло и упало куда-то в пятки. Значит, те двое из леса не отступили. Они шли по пятам всё это время, как

гончие. И теперь мы были загнанными зайцами.

Мы выбежали из леса на открытый склон, поросший колючим кустарником и усеянный серыми валунами. Внизу, в сотне метров, вилась та самая просёлочная дорога. И на ней, чётко видимые в набирающем силу свете, стояли две лошади. А рядом с ними – две фигуры в тёмных, поношенных плащах. Один, высокий и тощий, что-то рассматривал в руке – вероятно, тот самый камень-детектор. Второй, коренастый, с секирой на плече, уже смотрел в нашу сторону. Он тыкнул пальцем.

Проклятье. Они нас увидели.

– Вниз! – рявкнул Ланс и рванул в сторону, увлекая меня за собой в хаотичном рывке к ближайшему укрытию – груде камней, оставшейся, видимо, от древней стены. Свист разрезал воздух у самого моего уха, и в ствол сосны позади нас с глухим стуком вонзилась короткая арбалетная болванка. Парализующий, если судить по синеватому налёту на наколочнике.

Мы кубарем скатились за камни. Грубая гранитная глыба стала нашей единственной защитой. Ланс прижал меня спиной к камню, сам выглянул на мгновение.

– Двое. Один со стрелковым арбалетом, второй – тяжёлый боец. Не глупые. Не полезут в лоб. Будут пытаться зайти с флангов или выкурить.

– Что делаем? – мой голос прозвучал хрипло от страха и бега.

– То, чего они не ждут, – он обернулся ко мне, и в его глазах горел не страх, а холодный, расчётливый азарт. – Мы не будем отсиживаться. Они думают, что ты – слабое звено. Бремя. Мы это используем.

Он схватил мою руку с браслетом, его пальцы были твёрдыми и горячими.

– Когда я скажу, ты делаешь то, что делала в пещере. Но не свет. Обратное. Сосредоточься не на создании, а на притягивании. Представь, что твоя энергия – это магнит. Магнит для их металла. Для наконечников, для пряжек, для клинков. Тяни к себе. Но не выпускай энергию наружу. Держи её в себе, создавай поле. Поняла?

Я замерла, пытаюсь осмыслить. Магнит. Притягивать металл. Не выпуская энергию. Это было в миллион раз сложнее, чем просто швырнуть разряд.

– Я... я не знаю, как.

– Ты знаешь. Ты делала нечто похожее, когда чинила жезл. Ты чувствовала потоки. Теперь почувствуй металл. Он часть этого мира. Он ответит на твой зов, если зов будет достаточно сильным. Верь в это.

Снаружи послышался грубый окрик.

– Эй, охотник! Выводи свою диковинку! Сдавайся по-хорошему – разделим выручку! Убьём – заберём всё!

Ланс не ответил. Он прикрыл глаза на секунду, его лицо стало маской сосредоточенности. Потом кивнул мне.

– Сейчас. Готовься. Я выйду. Он выстрелит. В этот момент

– твоя очередь.

Он встал во весь рост, выйдя из-за укрытия, и медленно поднял руки, изображая сдачу. Я прижалась к камню, зажмурилась. Всё своё внимание, всю дрожь, весь страх я направила внутрь. К тому жужжанию, к той личной грозе. Не просила её вырваться. Умоляла её... изменить свойства пространства вокруг меня. Представляла силовые линии, как в учебнике физики. Представляла, как всё железное в ста метрах от меня начинает дрожать, срываться с мест, лететь сюда, в эту точку.

Послышался щелчок спускового механизма. Ещё один свист.

И в тот же миг я почувствовала невероятный, всепоглощающий толчок. Не извне. Изнутри. Моё жужжание превратилось в рёв. Энергия хлынула из меня, но не лучом, а сферической волной, невидимым импульсом. Я не видела её. Но я чувствовала, как мир на долю секунды исказился, задрожал.

Раздался не крик, а звук рвущегося металла и конский визг. Я открыла глаза.

Арбалетный болт, летевший в Ланса, резко изменил траекторию, словно его ударил невидимый молот, и вонзился в землю в двух метрах от него. У тощего охотника из рук вырвался и улетел в кусты его детектор. Пряжки на плащах и поясах обоих людей дёрнулись, потянув их вперёд, к нам. Лошади взбрыкнули, испуганные непонятной силой.

Коренастый охотник с секирой был ближе. Он, ошелом-

лённый, сделал шаг, пытаясь удержать равновесие. Это был его роковой промах.

Ланс, который никогда не собирался сдаваться, действовал. Он рванул вперёд, как выпущенная из лука стрела. Его меч, короткий и тяжёлый, блеснул в косых лучах солнца. Не удар – точный, молниеносный выпад. Клинок вошёл под ребро охотнику, которому я только что спасла жизнь, и вышел, обогранный алым. Тот захрипел, глаза выкатились от непонимания, и он рухнул на землю.

Второй, тощий, опомнился. Он бросил бесполезный теперь арбалет и выхватил из-за спины длинный, кривой тесак. Его лицо, обезображенное шрамом, исказилось яростью.

– Ведьмина мощь! – завопил он. – Я тебя, стерва, по кускам!

Он бросился не на Ланса. Прямо на меня. Он понял, где источник помехи. И он был прав. После того импульса я стояла на коленях, опираясь о камень, мир плыл перед глазами. Я выдохлась. Заряд был на нуле.

Ланс, выдернув меч из тела первого охотника, был слишком далеко, чтобы успеть.

Я увидела, как сверкает сталь тесака, занесённого для удара. Увидела безумие в глазах человека. И поняла, что не могу даже пошевелиться.

И тогда Ланс сделал то, чего я не ожидала. Он не побежал ко мне. Он бросился в сторону, к телу убитого охотника, и его свободная левая рука, сжатую в кулак, он резко прижал

к своей груди, рядом с браслетом. Его лицо исказилось от боли и яростного усилия.

– Варя, руку! – закричал он, и его голос сорвался. – Дай руку!

Я, повинувшись инстинкту, инстинкту, который говорил, что это наш единственный шанс, из последних сил выбросила вперёд свою связанную с ним руку.

Охотник уже заносил тесак.

Наши браслеты, его и мой, в ту же секунду вспыхнули ослепительным белым светом. Но это был не просто свет. Это была дуга. Дуга чистой, нестабильной энергии, которая рванула не от меня к нему, а между нами, замкнув контур через наши тела, через нашу связь, через нашу общую, отчаянную волю выжить.

Боль. Это было первое и единственное ощущение. Не электрический удар, а чувство, будто все нервы выдернули из тела, скрутили в жгут и подожгли. Я вскрикнула, но мой крик потонул в оглушительном, сокрушительном КРА-АКЕ! гибридного выброса.

Энергия вырвалась из точки между нашими сцепленными браслетами. Это был не синий зигзаг моей молнии и не оранжевый сгусток его огня. Это была бело-голубая сфера плазмы, раскалённая, бешено вращающаяся, размером с колесо телеги. Она пронеслась по воздуху со звуком рвущейся ткани реальности и ударила в охотника, который был ровно на её пути.

Его не отбросило. Его испарило. В прямом смысле. От вспышки у меня побелело в глазах. Когда зрение вернулось, на том месте, где секунду назад был человек с тесаком, зияла воронка в земле диаметром в три метра. Дно её было спекшимся, остекленевшим. По краям валялись обломки оплавленного металла – всё, что осталось от оружия и доспехов. В воздухе стоял едкий запах озона и печёной глины. Никакого пепла. Никакого тела. Только эта воронка, дымящаяся в утреннем воздухе.

Тишина. Глухая, оглушительная тишина, нарушаемая только шипением остывающего грунта.

А потом боль накрыла с новой силой. Мы оба рухнули на землю, он – в метре от меня, я – у своего камня. Браслеты пылали невыносимым жаром, и казалось, что кожа на запястьях вот-вот сгорит. Но это была не главная боль. Главная была внутри. Как будто наши нервные системы на секунду спаялись в одну, а потом их грубо разорвали. В ушах стоял пронзительный звон, в глазах плавали кровавые пятна. Я лежала, не в силах пошевелить ни пальцем, и смотрела в серое небо, чувствуя, как слёзы сами текут из глаз от этой чудовищной, вселенской ломки.

Это и была цена. Цена связи. Цена того, что мы сделали.

Я не знаю, сколько времени пролежала так. Сознание то уплывало в чёрную, беззвёздную пустоту, то возвращалось, принося с собой волну тошноты и боли во всём теле. Моё запястье горело. Я медленно, с тихим стоном, повернула го-

лову.

Ланс лежал на спине, его грудь судорожно вздымалась. Он был жив. Его лицо было белым как мел, губы синеватыми. Глаза закатились, видны были только белки. Из носа текла тонкая струйка крови. Его правая рука, та, что была в браслете, неестественно дёргалась, пальцы судорожно сжимались и разжимались.

Страх, острый и холодный, пронзил туман в моей голове. Он умирает? Я убила его? Мы убили друг друга?

– Л-Ланс... – мой голос был хриплым шёпотом, который я сама едва слышала.

Он не ответил. Но его веки дрогнули. С огромным усилием он медленно, очень медленно повернул голову в мою сторону. Его глаза закатились вниз, зрачки появились, но взгляд был мутным, невидящим. Он сфокусировался на мне с трудом.

– Ж-жива... – прошептал он, и его губы искривились в гримасе, которая должна была быть усмешкой. – Чёрт... знал... что будет... больно...

Он попытался подняться на локоть, но его тело предательственно дёрнулось, и он снова рухнул на землю, стиснув зубы от боли.

– Не... двигайся, – выдавил я. – Пожалуйста.

Он послушался, замер, тяжело дыша. Мы лежали так, разделённые метром каменистой земли, и пытались просто дышать. Дышать сквозь боль, сквозь ломоту в костях, сквозь

странное, жуткое эхо, которое звенело где-то на задворках сознания. Эхо его мыслей? Моих? Я не могла понять. Это было похоже на то, как если бы ты слышал музыку из соседней комнаты – мелодию не разобрать, но ритм чувствуешь кожей.

Постепенно, очень постепенно, острая боль начала отступать, сменяясь глубокой, всепроникающей слабостью. Жар в браслетах поутих, но запястья всё ещё ныли. Я смогла пошевелить пальцами. Потом медленно, будто моё тело весило тонну, села.

Ланс тоже пришёл в себя. Он сел, склонив голову на колени, и сидел так минуту, просто дыша. Потом поднял руку, посмотрел на браслет. Металл был тусклым, покрытым мелкими, паутинообразными трещинками. Детонация почти уничтожила их.

– Контур... не выдержал, – прохрипел он. – Перегрузка... на несколько порядков выше расчётной.

Он поднял на меня глаза. В них не было ни укора, ни страха. Было чистое, почти религиозное потрясение. Он смотрел на воронку, на оплавленные камни, потом на меня.

– Ты... чувствовала? – спросил он тихо. – В момент... выброса?

Я кивнула, не в силах говорить. Да. Я чувствовала. Это было не просто объединение двух сил. Это было слияние. На долю секунды не было «меня» и «его». Была одна воля – выжить. Одна ярость – уничтожить угрозу. И один ужаса-

ющий восторг от той мощи, что родилась из этого союза. Я чувствовала его холодный расчёт, смешивающийся с моей паникой. Чувствовала, как его магия, дисциплинированная и упорядоченная, вливается в дикий, хаотичный поток моего электричества, и они вместе рожают нечто третье. Нечто абсолютное.

– Это было... – он искал слово, – ...совершенно.

Да. Совершенное оружие. Совершенная разрушительная сила. От одной мысли по спине побежали ледяные мурашки.

Ланс, преодолевая слабость, встал на ноги. Он шатался, как пьяный, но устоял. Подошёл к краю воронки, заглянул в неё. Потом обернулся.

– Это меняет всё, – сказал он, и его голос набрал твёрдости. – Гильдия Пламени... они не должны этого увидеть. Никто не должен.

– Почему? – прошептала я.

– Потому что они не поймут, – резко ответил он. – Они увидят только оружие. Оружие, которое можно разобрать, скопировать, поставить на поток. Они будут пытаться воспроизвести этот эффект с другими магами, с другими... источниками. Это приведёт к катастрофе. Лаборатории взлетят на воздух. Полгорода может превратиться в такое же стекло. – Он ткнул пальцем в спекшееся дно воронки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.